

Варсануфiя за образованiе, подобное выше-перечисленнымъ, и что самое имя „Варсануфiй“, какъ оно звучитъ теперь, образовалось чрезъ морфологическую ассимиляцію начальныхъ звуковъ его египетскаго первоисточника—именно ассимиляцію сирiйскому или халдейскому *баръ* или *варъ*. Но тогда, какъ же звучало это имя по египетски? Отвѣтить на этотъ вопросъ о. Варнавъ было бы не трудно, если бы онъ заглянулъ въ творенiя преп. Исидора Пелусiота, гдѣ нашель бы различные варианты занимающаго его имени (*Migne*.—*Patrologiae series graeca*. Т. 78). Таковы адреса писемъ: *Ὁρθροενοφίος ἀναγνώστη*, *Ursenuphio* (lib. I, ep. 6, col. 184; lib. III, ep. 219, col. 901; lib. IV, ep. 70, col. 1128), *Ὁρθροενοφίος ἀναγνώστη*, а въ латинскомъ переводѣ *Ursenorio* или *Ursephanio* (lib. V, ep. 355, coll. 1540 и 1537) или просто *Ὁρθροενοφίος* (lib. V, ep. 402, col. 1616), *Ὁρθροενοφίος ἀναγνώστη* (lib. IV, ep. 212, col. 677), *Ὁδαρσενοφίος* (lib. IV, ep. 212, col. 1305) и, наконецъ, *Ἀρσενοφίος ἀναγνώστη* (lib. IV, ep. 80, col. 1142). Надо полагать, что тутъ предъ нами одно имя, если только и лицо не одно—чтець Варсануфiй или Урсенуфiй. Неустойчивость въ передачѣ начального звука въ первомъ слогѣ имени:

$\omicron\theta\rho = \omicron\delta\alpha\rho = \alpha\rho = \beta\alpha\rho$

показываетъ несоизмѣримость его со звуками греческаго алфавита. Очевидно, этотъ первый звукъ есть тотъ самый, который обозначался у египтянъ iероглифомъ „перепелъ“ и который когда-то принимался египтологами за гласное *y* (*u*), затѣмъ сталъ считаться за *v* (*w*), а въ настоящее время, послѣ изслѣдованiй Г. Штейндорфа, имѣетъ за собою общепризнанное чтенiе какъ полугласное *y*, хотя и продолжаетъ условно обозначаться чрезъ *w*. Въ сочетанiи же со звукомъ *p* (*r*) этотъ полугласный звукъ обычно обозначается iероглифомъ „голубь“ (или „ласточка“, по мнѣнiю другихъ), или лигатурою этого iероглифа и iероглифа „ротъ“.—Итакъ, мы не знаемъ, какъ называлъ самъ себя преп. Варсануфiй; но мы видимъ, что другой египтянинъ, преп. Исидоръ, болѣе правильно, хотя тоже неточно, отклоняясь въ противоположную сторону, транскрибируетъ искомое египетское имя чрезъ *Урсенуфiй*. Можно представить эти отклоненiя въ транскрипциi искомаго имени *x*—двойнымъ неравенствомъ:

Варсануфiй < *x* < *Урсенуфiй*.

Первая часть неизвѣстнаго получилась, слѣдовательно, изъ египетскихъ: w, r, s, т. е. изъ корня:

wrs=𓂏𓂐𓂑 = урс=urs (по транскрипциѣ болѣе старой),

а иероглифически:

Голубь + ротъ + озеро + солнце
 = голубь + ротъ + озеро + веревка (спираль)
 = голубь + ротъ + озеро,

Корень этотъ обозначаетъ: „бодрствовать“, „проводить день“, „проводить время“, „безполезно проводить время“, „быть гдѣ-нибудь на стражѣ“ (A. Erman, — Zur ägyptischem Wortforschung, II, Sonderabdruck aus „Sitzungsberichte der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften“, 1912. XXXIX, SS. 908-909; A. Erman, — Aegyptisches Glossar. Berlin, 1904, S. 31; ср. также P. Pierret, — Vocabulaire hiéroglyphique, Paris. 1875, p. 112, на каковой ссылаюсь въ виду именно его даты, предшествующей датѣ „Мѣсяцеслова“ Арх. Сергiя).

Во второй части имени „Варсануфiй“ нетрудно увидѣть имя бога *Анубиса*—

inrw=𓂏𓂐𓂑 = *Апри* (по транскрипциѣ болѣе старой),

а иероглифически:

тростниковой листь + извилистая черта + камень + персепель.

(A. Erman, — Aegyptisches Glossar, 1907, S. 12. — P. Pierret, — Vocabulaire hiéroglyphique, 1875, p. 35), при чемъ обычная транскрипциѣ этихъ иероглифовъ чрезъ *Ἄνουβις* даже менѣе правильна, чѣмъ данная, чрезъ *Ἄνουφ*, соответствующая коптскому **ANOUFI**. — Удивляться перестановкѣ послѣднихъ звуковъ этого имени не слѣдуетъ: предъ нами обычное явление, на примѣръ въ божественныхъ именахъ:

Нrw—*Hor(us)*

Мntw—*Month*

Нnmw—*Chnum*

1) Здѣсь, какъ и далѣе, иероглифъ голубь замѣняется, по недостатку шрифта, иероглифомъ воробей.

Итакъ, имя Варсануфія можетъ быть въ болѣе близкомъ къ первоначальному виду написано какъ:

𐤅𐤓𐤏𐤍—𐤖𐤓𐤏, УРС—Н_н^ф,

или іероглифически:

голубь + ротъ + озеро + тростниковый листъ + извилистая черта + камень + перепелъ,

и должно было первоначально звучать какъ что-то вродѣ УРС—Н_н^фУ, откуда получилось, съ одной стороны, при стремленіи возможно точно транскрибировать это имя по гречески и съ присоединеніемъ греческаго суффикса *ιος*—*Οὐρσανούφιος*, а съ другой, при приспособленіи начальныхъ звуковъ, т. е. *ur*, къ слову 𐤅𐤓=Ва_р, сынъ, т. е. (—воспользуемся терминологіей Я. Карловича—) при *аррадикаціи* звуковъ *ur*,—*Ва_р-ουρσανούφιος*.

Слѣдовательно, богоносное имя Урсенуфъ, Варсануфъ или Варсануфій означаетъ что-то вродѣ: „Анубись бодрствуетъ“ или „Анубись, бодрствуй!“, или „Анубись даетъ время“, „даетъ вѣчность“ и т. д. Эта связь между Анубисомъ и идеей времени понятна, ибо Анубись, въ передаваемомъ по египетски преданіи объ Озирисѣ, выступаетъ какъ бальзамировщикъ и охранитель тѣла Озириса, а отсюда—и вообще, какъ бальзамировщикъ и охранитель тѣлъ усопшихъ. Вотъ почему, ему именно ввѣряется охраненіе мумій, съ существованіемъ которыхъ, какъ извѣстно, связывалось, по египетскому вѣрованію, самое безсмертіе личности. Анубись называется поэтому „бальзамировщикомъ въ святой палатѣ“, „господиномъ палаты очищенія“, „господиномъ блаженной страны“ (*Fr. Zimmermann, —Die ägyptische Religion nach der Darstellung der Kirchenschriftsteller und die ägyptischer Denkmäler. Paderborn, 1912 („Stud. zur Gesch. u. Kult. des Altert.“ Bd. V, Hft 5/6), S. 52.* Тутъ же указаны точныя цитаты). Слѣдовательно, понятно, что бодрствование Анубиса охраняетъ усопшихъ, а разъ муміи ихъ сохранены, то и вѣку имъ прибавилось. Эта-га дѣятельность Анубиса и указывается именемъ Варсануфія.

Надо отмѣтить еще, что Варсануфій, какъ теофорное имя, имѣющее въ составѣ своемъ имя Анубиса,—не единственное

въ лѣтописяхъ монашества. Мы знаемъ упоминаемаго въ „Лавсаикѣ“, у Руфина и у Никифора египетскаго преподобнаго и исповѣдника *Ануфа* или, какъ его называютъ иногда, *Анувія*. Въ имени этого святаго (память котораго празднуется 1-го іюня) трудно не увидѣть имени бога Анубиса. Можетъ быть, сюда же можно отнести и имя аввы *Пинуфія*, которое во второй части содержитъ опять таки имя бога Анубиса, а въ первой—*P*, т. е. названіе города Буто , или *p3* или скорѣе *pj*, членъ-указатель . Тогда, имя это можетъ быть транскрибировано какъ 'EJN-'E. *pj-ḥprw* означаетъ: „Се Анубисъ“ или „Сей Анубисъ“.

При изученіи личности, послѣ имени ея, стоитъ на череду вопросъ о *лицѣ*, чтобы, затѣмъ, по чертамъ его, равно какъ и по другимъ выявленіямъ личности, распознать основныя линіи *характера* изучаемой личности. Получивъ сочиненіе о. Варнавы, рецензентъ былъ увѣренъ, что найдетъ въ этомъ сочиненіи высоко-поучительный матеріалъ изъ иконописнаго подлинника, снимки съ наиболѣе древнихъ иконъ преп. Варсануфія и анализъ чертъ его лица. Сознаюсъ, что съ нетерпѣніемъ ждалъ работы о. Варнавы, въ полной увѣренности, что на эту сторону онъ обратилъ свои усилія, и уже приготовился хвалить Автора зацѣнное собраніе фотографическихъ снимковъ, относящихся къ иконографіи преп. Варсануфія. Но эти надежды оказались напрасны, и ничего подобнаго ожидаемому, хотя бы даже извиненія въ отсутствіи этой работы, у о. Варнавы я не нашель. Онъ не поинтересовался ликомъ Преподобнаго. Эта вина о. Варнавы тѣмъ менѣе протительна, что, во-первыхъ, онъ занимается фотографіей, имѣетъ аппаратъ и не мало имъ работаетъ и, во-вторыхъ, прошлымъ лѣтомъ, уже зная свою тему, путешествовалъ по Палестинѣ и Аѳону. Но почему-то преп. Варсануфій остался внѣ поля его вниманія.

Слѣдующій вопросъ при изученіи личности—вопросъ о *стиль* изучаемаго Автора. Каковы особенности его языка? Нельзя ли въ нихъ уловить какихъ-нибудь мѣстныхъ, въ данномъ случаѣ, напимѣръ,—египетскихъ оборотовъ? Въ чемъ своеобразіе въ построеніи его рѣчи? Чѣмъ его рѣчь отличается отъ современныхъ ему писателей однороднаго направленія? Нельзя ли подмѣтить различій въ способѣ вы-

ражаться, въ зависимости отъ внутренняго роста Автора? Эти и тому подобныя вопросы—дѣло не пустого любопытства, ибо, отвѣчая на нихъ, мы проникаемъ въ тайники души и узнаемъ иногда такимъ способомъ болѣе, чѣмъ сколько прямо сказалъ намъ изучаемый писатель. СтилOMETрическія изслѣдованія, умѣло поставленныя, даютъ возможность уяснить себѣ многое въ жизни и личности писателя; а вѣдь о. Варнава занялъ именно „жизнью и личностью“, если судить по подзаголовку его труда. Но, къ сожалѣнію, на указанныхъ вопросахъ, или на подобныхъ имъ, о. Варнава тоже не сосредоточивается, и тѣмъ упускаетъ изъ виду важный возможный источникъ для пониманія преп. Варсонофія.

Далѣе, возникаютъ вопросы: каковы условія первоначальной жизни преп. Варсануфія? Какова степень его образованности? Каково воспитаніе, имъ полученное? На это, скажетъ о. Варнава, нѣтъ прямыхъ указаній. Да, но за то есть много косвенныхъ, въ отвѣтахъ Преподобнаго, и охарактеризовать кругъ понятій преп. Отца, разсмотрѣть его словарь, его,—подразумѣвающіяся въ отвѣтахъ—общія воззрѣнія, все это не представляло особенныхъ трудностей и требовало лишь внимательнаго чтенія. Между тѣмъ, въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы о. Варнава довольствуется слишкомъ немногимъ: преп. Варсануфій, по его утвержденію, „былъ не чуждъ въ своей мѣрѣ «наученія книжнаго»“, и ссылается на то, что преп. Варсануфій „хорошо и свободно изъяснялся на греческомъ языкѣ, самъ будучи египтяниномъ“ (стр. 36). Едва ли кого удовлетворитъ эта канцелярская эластичность выраженія „въ своей мѣрѣ“, ибо мы о томъ именно и спрашиваемъ, каковѣ была мѣра образованности Преподобнаго. Ссылка на греческій языкъ ровно ничего не означаетъ, ибо кто въ концѣ V-го и въ началѣ VI-го вѣка не говорилъ на этомъ официальномъ и международномъ языкѣ всего Средиземья? Дальнѣйшія соображенія (стр. 39), основанныя на разсужденіяхъ Амелино о высокомъ уровнѣ народнаго образованія въ Египтѣ, тоже мало убѣдительны, ибо неизвѣстно, провелъ ли свою молодость преподобный Варсануфій именно въ Египтѣ, или, быть можетъ, уже въ дѣтствѣ оставилъ родную страну, и—изъ какой семьи онъ происходилъ. Прямое изслѣдованіе текста дало бы плоды гораздо болѣе безспорныя. Между прочимъ, суще-

ственное значеніе могло бы имѣть то мѣсто, гдѣ Преподобный говорить о себѣ: „*Οὔτε γὰρ σκολαστικὸς ἐγενόμην*“: но и тутъ о. Варнава, приведя этотъ отвѣтъ (стр. 103), оставляетъ его безъ разсмотрѣнія и не выясняетъ, кто именно въ V-мъ вѣкѣ назывался „*σκολαστικὸς*“.

Затѣмъ, требовалось бы разсмотрѣть внутреннюю цѣльность, законмѣрность жизни Преподобнаго. Хватило ли бы для этого данныхъ, утверждать мы не можемъ, ибо не можемъ подавать сочиненія вмѣсто о. Варнавы. Но мы не видимъ и попытокъ использовать тѣ данныя, которыя сами напрашиваются на вниманіе. Такъ, на стр. 20, для опредѣленія очень важнаго года ухожденія въ затворъ преп. Варсануфія (около 540 г.), о. Варнава ссылается на слова его самого: „*Ἐγὴρασα γὰρ*“ (Отв. 652), при чемъ для соглашенія данныхъ оказывается достаточнымъ „предположить, что возрастъ «старческой» Великаго Варсануфія, когда онъ жилъ въ обители Серида и давалъ отвѣты—60 годамъ“ (стр. 202, прим.). Это правильно. Но зачѣмъ же ссылаться на ничего не доказывающее „предположеніе“, когда возрастъ, соотвѣтствующій слову „*ἐγὴρασα*“ можетъ быть установленъ и непредположительно. По таблицѣ соотвѣтствія наименованій возрастовъ и числовыхъ ихъ значеній, содержащейся въ 101-й (108 Влад.) рукописи Московской Синодальной Библиотеки и опубликованной В. В. Болотовымъ, термину *ἡγραιός* соотвѣтствуетъ возрастъ 57—68 лѣтъ, а *πρεσβύτης*—отъ 68-ми и до смерти. Не менѣе рѣшающимъ является указаніе трактата Авоть въ Талмудѣ, непосредственно приложимое къ обитателю Сиріи, каковымъ былъ пр. Варсануфій. А именно, въ Авоть (V' 21) говорится, что пятьдесятъ лѣтъ—на совѣтъ; шестьдесятъ лѣтъ—достиженіе старости, *חֲמֵשִׁים שָׁנִים* (*закенъ=γέρων*); семьдесятъ лѣтъ—сѣдина, *שִׁבְעִים שָׁנִים*—*πόλιος*. Привожу эти свидѣтельства наудачу. Ихъ можно было бы и весьма умножить. Но и двухъ достаточно, чтобы показать, какъ именно могъ бы подтвердить о. Варнава свое „предположеніе“.

Такимъ образомъ, личность преп. Варсануфія и послѣ о. Варнавы еще нуждается въ изученіи. Не многимъ лучше обстоитъ дѣло съ изученіемъ круга понятій въ твореніяхъ преп. Варсануфія, ибо и формальное и содержательное разсмотрѣніе „Твореній“ оставляетъ желать еще слишкомъ многого. Точнѣе сказать, нельзя же считать достаточнымъ распредѣ-

леніе ихъ по нѣсколькимъ, въ отношеніи изучаемаго автора—случайно избраннымъ дѣленіямъ, причѣмъ ни связь отдѣльныхъ мыслей, ни господствующая интуиція, ни, сравнительныя съ другими подвижниками, особенности мысли Преподобнаго, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, ни терминологія его не изучены и, развѣ только, слѣгка и мимоходомъ затронуты. Повторяю, сочиненіе о. Варнавы оставляетъ впечатлѣніе, что, если бы Авторъ захотѣлъ, то могъ бы написать отличную работу, но почему-то оказался нерадивымъ.

Небреженъ о. Варнава не только въ общемъ ходѣ своей работы, но и въ подробностяхъ. Не имѣя, въ настоящемъ отзывѣ, ни нужды, ни возможности вдаваться во всѣ частности, отмѣчу для примѣра лишь кое-что, чтобы пояснить свою мысль. И вотъ первый примѣръ:

Монашество предполагаетъ „духовное окормленіе“ Старцемъ. На этой насущной необходимости старческаго окормленія о. Варнава настаиваетъ твердо и многократно. Что жъ можно тутъ сказать, кромѣ одобренія? Но это одобреніе и на о. Варнаву возлагаетъ сугубую отвѣтственность внимательнаго отношенія къ старчеству,—хотя бы въ той области, которая для него сейчасъ доступна,—въ научной. Развѣ не долженъ былъ о. Варнава, множество разъ повторяющій слова „окормленіе“, „окормлять“, „окормляться“, развѣ не долженъ онъ былъ поинтересоваться, что такое „окормленіе“? Однако, онъ ссылается тутъ на какую-то анонимную брошюру, въ которой сообщается, между прочимъ, что „окормленіе есть такое воспитаніе опытнымъ инокомъ инока молодого“ [почему „молодого“? развѣ большинство сѣдобородыхъ старцевъ не нуждается въ „окормленіи“? полагаю, рѣчь идетъ о мало-опытномъ или вовсе не-опытномъ. *II. Ф.*], когда старецъ— своими наставленіями и совѣтами какъ бы питаетъ, *кормить* [*курс. мой. II. Ф.*], какъ мать маленькое дитя, и духовно растить его“ (стр. 20. прим.). Неужели *ученому, монаху*, специализировавшемуся въ аскетикѣ, не стыдно не знать, что „окормленіе“ происходитъ не отъ *окормить* (=обкормить, перекормить, т. е. дать корму чрезъ мѣру), и вообще не имѣетъ ничего общаго съ „*кормомъ*“, а—отъ *окормлять*, т. е. *быть на кормѣ*, руководить, т. е. происходитъ отъ слова „*кормй*“? О. Варнава хотя бы изъ богослужебныхъ книгъ (если ужъ отрицаетъ обязанность для себя занятіе филологіей) долженъ бы знать, что на

церковномъ языкѣ *окоормитель* это значить *кормилецъ*, *κνβερονήτης*, какъ напимѣрь, во 2-мъ тропарѣ 9-й пѣсни 1-го трипѣснца въ четвертокѣ 2-й седмицы Великаго Поста читаемъ:

„Грѣховная обуреваеть буря окаянную мою душу, десницу яко Петру мнѣ простри, *окоормителю* благій—*κνβερονήτα ἁγαθέ*: да мя глубина не покрыеть отчаянія, снѣдь да не буду киту душетлѣнному, Христе многомилостиве“. И контекстъ, и греческій терминъ показываютъ съ несомнѣнностью, что здѣсь рѣчь идетъ объ управленіи кораблемъ, а не о кормленіи кого бы-то ни было. Тò же—въ 5-мъ икосѣ Акаѳиста Иисусу Сладчайшему: „Иисусе *Кормителю* въ юности моя“.

Долженъ бы знать о Варнава и то, что „*окоормляю*“ значить *направляю*, *ἐγκαθόρμιζω* и *направляю къ пристанищу*, *управляю*, *κνβερώω*. Такъ, въ 3-мъ тропарѣ 5-й пѣсни 1-го трипѣснца въ пятокѣ 2-й седмицы Великаго Поста читаемъ:

„Постную пучину преплыти тихо сподоби мя Христе, утишая волны мысли моея, и въ пристанища воскресенія *окоорми*—*τῆς Ἀναστάσεως εἰς λιμένα ἐγκαθόρμιζον*“, а во 2-мъ тропарѣ 3-ей пѣсни канона въ среду 4-й седмицы Великаго Поста:—„Крестнымъ вѣтриломъ окрилившеся, корабль спасительнаго се поста преполовивше, Мессіа Иисусе Божій, имже насъ страсти Твоя къ пристанищу *окоорми*—*δι' οὗ ἡμᾶς τοῦ πάθους σου πρὸς λιμένα ἐγκαθόρμιζον*“.

Въ 3-мъ тропарѣ 9-й пѣсни среды 5-й седмицы Великаго Поста: „Зимою содержимъ искушеній и страстей тревоженіи потопляемъ, и сластей бурей обуреваемъ лютѣ, пощенія пучину достигохъ кроткую и тихую, въ ней же мя *окоормивъ* твоимъ крестомъ щедре, ко спасенію устреми—*ἐν ᾧ με κνβερονήσας τῷ σταυρῷ, Οὐκίριμον, πρὸς σωτηρίαν ἐγκαθόρμιζον*“.

Въ Богородичнѣ же 3-й пѣсни 1-го трипѣснца среды 5-й седмицы Великаго Поста—: „Спасительная врата, къ Богу мосте, христіанъ предстательнице, Пречистая Владычице, обстоима мя напастьми житія и обуреваема, Отроковице *окоорми*—*κνβερονήσον*“.

То же во 2-й молитвѣ ко Пресвятой Богородицѣ, въ день ея Успенія: „*Окоорми* мя яко странна“; а въ 1-мъ тропарѣ 6-й пѣсни канона святымъ мученикамъ Адріану и Наталіи, (память ихъ празднуется 26-го августа) опять таки читаемъ: „Христовою *окоормляемъ* — *κνβερωόμενοι* — дланію благочестно, безбожія пучину преидосте, и ко приста-

нищу тихому вышнія свѣтлости, страдальцы Господни устремитесь“. Подобныхъ примѣровъ можно было бы набрать и еще.

Но если и объ этомъ обо всемъ позабылъ о. Варнава, то могъ ли онъ не подумать о словахъ: „*Οκορμλια* въ мѣрѣ животъ мой—*κυβερνῶν ἐν εἰρήνῃ τὴν ζωὴν μου*“ изъ 3-ей молитвы ко св. Причащенію, св. Іоанна Златоустаго, которую онъ читалъ, вѣроятно, нѣсколько сотенъ разъ.

Или, вотъ еще другой примѣръ той же небрежности:

На стр. 156, Авторъ приводитъ отвѣтъ Великаго Варсануфія, въ которомъ Преподобный, ради облегченія страданій одного изъ братіи Серидовой обители, предписываетъ ему воспользоваться нѣкимъ средствомъ: „*βάλε ῥόδινον μετὰ ἀγίασματος*“ (стр. 156). Что жъ такое это „*ρόδινον*“? Если св. Отець считалъ возможнымъ говорить объ этомъ средствѣ, то неужели ниже нашего достоинства было бы постараться вникнуть, что именно совѣтовалъ преп. Варсануфій? Между тѣмъ, о. Варнава, въ примѣчаніи 118-мъ, ограничивается неопредѣленнымъ указаніемъ, заканчивающимся словами: „Вѣроятнѣе всего, розовое или какое иное благовонное масло“. Подъ терминомъ „розовое масло“ разумѣется нынѣ *Oleum Rosae*, т. е. эфирное. Ужъ одна крайняя дороговизна этого продукта (—по каталогу Берлинской фабрики химическихъ препаратовъ Риделя, въ 1897 г., одинъ килограммъ *Olei Rosae* стоилъ около 1000 марокъ; а по каталогу 1914 года Петроградской фирмы Штоля и Шмита 10 граммъ того же продукта стоили 11 р. 75 к., такъ что русскій фунтъ его обошелся бы 481 р. 16 к.—), даже при современномъ развитіи индустріи и способовъ химической выработки эфирныхъ маселъ, должна была бы навести о. Варнаву на мысль что въ объясненіи его что-то не такъ. Трудно (да и соблазнительно) представлять себѣ Серидову обитель въ V—VI вѣкахъ на подобіе современныхъ лавръ. Конечно, въ лечебницѣ обители не могло быть, для пользованія монаховъ, средствъ столь дорогихъ! Между тѣмъ, въ греческомъ словарѣ, о. Варнава легко могъ бы найти (напримѣръ у Скарлата Византія), что „*ῥόδινον*“ (—подразумѣвается *ἔλαιον, κρίμα* или *μύρον*—) есть ничто иное, какъ „*τὸ ῥοδέλαιον*“ (с. 1240), т. е. *розовыи елей*. Это—не эфирное масло розы, а весьма дешевый *елей*, настоенный на розовыхъ лепесткахъ,—средство, которое тотъ же авва Дорофей, какъ смотритель больницы, готовилъ, вѣ-

роятно, собственными руками. Но, можетъ быть, о Варнава все таки остается при своемъ мнѣнїи объ *Oleum Rosae*? Въ такомъ случаѣ, ему слѣдовало бы узнать, что первыя указанія на Розовое Масло, на *Oleum Rosae*, ставшее извѣстнымъ чрезъ приготовленіе розовой воды, сдѣланы Іеронимомъ Россини лишь въ 1582 г., въ Равеннѣ, а затѣмъ Портою, въ 1589 г., въ его книгѣ *De destillione*, и что въ продажѣ, именно въ аптекахъ Германїи, *Oleum Rosae* появилось лишь въ концѣ XVI вѣка. Древнїе же получали свое „*ρόδιον*“ извлеченїемъ эфирнаго масла розы маслами жирными, по преимуществу елеемъ. Конечно, самъ по себѣ, вопросъ о „*ρόδιον*“—третьестепенный; но вѣдь неправильное изъясненїе его кладетъ невѣрный штрихъ и на общую картину жизни Серидовой обители.

Или, вотъ еще примѣръ малой внимательности о Варнавы:

На стр. 25 приводится свидѣтельство изъ „Отвѣта 575-го“, что на мѣстѣ, которое хотѣлъ купить Великій Варсануфїй, находился „*μοναστήριον μικρόν*“ одного посторонняго брата. Это свидѣтельство весьма существенно: изъ него мы можемъ узнать кое-что о *разныхъ* видахъ древняго монашества. Что жъ такое „*μοναστήριον μικρόν*“? О. Варнава „предполагаетъ“, что это реченїе лучше всего перевести чрезъ „келлія“, и пытается подтвердить свою догадку ссылкой на современное Аѳонское устройство, при которомъ допускаются отдѣльно-стоящія „келліи“, подчиненныя скиту и откупаемыя частными лицами. Однако, параллель эта выбрана весьма неудачно. Во-первыхъ, на Аѳонѣ эти келліи такъ и называются келліями, хотя бы и были весьма великими; а во-вторыхъ, *эти* келліи подчинены монастырямъ, а въ разсматриваемомъ случаѣ изъ жизни преп. Варсануфїя ни откуда не видно, чтобы *μοναστήριον μικρόν* былъ подчиненъ кому бы-то ни было. Даже напротивъ, упоминаемый *μοναστήριον μικρόν* былъ купленъ преп. Варсануфїемъ по простому соглашенію съ собственникомъ его, безъ нужды въ чьемъ бы-то ни было разрѣшенїи.

Между тѣмъ, о. Варнавѣ нетрудно было бы справиться о томъ, что именно означаетъ терминъ *μοναστήριον*. По свидѣтельству Филона о терапевтахъ, „*ἐν ἑκάστη δὲ [τῆ] οἰκίᾳ| ἐστὶν οἴκημα ἱερόν, ὃ καλεῖται βεμβέιον καὶ μοναστήριον, ἐν ᾧ μοιούμενοι τὰ τοῦ βεμβέου βίου μυστήρια τελοῦνται*—во всякомъ домѣ есть священная комната, которая называется святилищемъ

и уединилищемъ, уединяясь въ какомъ они совершаютъ таинства благочестивой жизни“ (Филонъ,—О созерцательной жизни, М. 475₁₆. Philo about the contemplative Life ed. by Fr. C. Conybeare, Oxford, 1895, p. 60). А въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія сообщается о терапевтахъ: „τὰς μὲν οὖν ἐξ ἡμέρας χωρὶς ἕκαστοι μονούμενοι παρ' ἑαυτοῖς ἐν τοῖς λεχθεῖσι μοναστηρίοις φιλοσοφοῦσι—итакъ, каждые шесть дней каждый изъ нихъ, уединившись у себя въ избранномъ уединищѣ, предается размышленію“ (М. 476₅₋₆, ed. Conybeare, p. 66).

Итакъ, по первоначальному значенію, слово *μοναστήριον* отнюдь не означаетъ ни нашего монастыря, ни афонской келліи, но лишь *молеельню* въ частномъ домѣ. Весьма вѣроятно, что и „братъ“, владѣвшій „монастыремъ“ по сосѣдству съ Серпидовой обителью, былъ вовсе не монахомъ и не отшельникомъ, а просто частнымъ владѣтелемъ дома съ молеельню. Это толкованіе слова „*μοναστήριον*“ вытекаетъ и изъ контекста, въ которомъ стоитъ оно даже у самого о. Варнавы, ибо о приобрѣтеніи этого *μοναστηρίου μικροῦ* рассказывается въ связи съ исторіей построенія (или устроенія?) въ обители *храма*. „Мы уже упоминали [? П. Ф.],—говоритъ о. Варнава—, что вначалѣ храма въ Киновіи не было. Преподобный игумень нашель подходящимъ для него мѣстомъ сосѣдній съ монастыремъ участокъ земли“ (стр. 235).—Этотъ участокъ, послѣ довольно долгихъ переговоровъ, владѣлецъ его согласился продать; на немъ-то и находился „*μοναστήριον μικρόν*“ одного посторонняго брата, въ которомъ тотъ временно жилъ. Судя по смыслу повѣствованія, эта-то молеельня, куда и уединялся, вѣроятно для молитвы, вышеназванный посторонній братъ, и была устроена подъ храмъ. Но если ужъ проводить аналогію упомянутаго „*μοναστήριον μικρόν*“ съ современностью, то его надо бы уподобить скорѣе, тѣмъ „кельямъ“, въ которыхъ и донынѣ живутъ по селамъ и деревнямъ „черпички“. Тогда понятно, что подобный „монастырь“ владѣтель его могъ продать, не спрашивая на то ни у кого разрѣшенія.—Явленіе же параллельное афонскимъ келліямъ у насъ тоже существуетъ—покупка въ монастырѣ или при монастырѣ небольшого домика, который иногда называется келліей. Въ старину былъ терминъ „монастырецъ“, но, повидимому, онъ соотвѣтствовалъ не термину „*μικρόν μοναστήριον*“, о коемъ идетъ рѣчь въ отвѣтѣ преп. Варсануфія, а келліи, покупае-

мой отъ монастыря: „Се азъ Іевъ---купишь есми себѣ---у архимарита у Герентія---и у всен братьи монастырецъ“, говорится въ „правой грамотѣ“ по спорному дѣлу о пахотныхъ земляхъ и пустошахъ Симонова монастыря, относящейся къ 1412—1464-мъ годамъ.—Не станемъ настаивать на своемъ объясненіи. Но о. Варнава не сдѣлалъ никакого, хотя объяснить текстъ изучаемаго имъ преподобнаго Отца несомнѣнно входило въ его задачу.

При чтеніи разбираемой работы рождается въ умѣ читателя множество вопросовъ, но отвѣтовъ на нихъ отъ о. Варнавы ждать читателю напрасно. Такъ, настоятельно стоитъ вопросъ объ *отношеніи* откровенія помысловъ старцу къ исповѣди, какъ таинству, особенно при чтеніи стр. 258. Спрашиваешь себя, также въ связи съ тѣмъ же, что такое „*τὸ τέλειον*“ или, какъ объясняетъ о. Варнава, „духовный даръ, который, имѣетъ предъ всѣми преимущество“ (стр. 108), а именно даръ „прощать грѣхи, освобождать души отъ тьмы и изводить ихъ на свѣтъ“ (Отв. 164, а по греч. изд.—168), и не есть ли „*τὸ τέλειον*“ терминъ, имѣющій за собою большое прошлое? И еще, что означаетъ, еще при жизни преп. Варсануфія употреблявшаяся, молитвенная формула: „*Ἄ μοῦ διὰ τοῦ θεράποντος* Твоего, чтобы...“ (Отв. 151) и не есть ли самое слово *θεράπων* опять таки техническое (см. стр. 121)? И, далѣе, въ связи съ тѣмъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, о таинственныхъ словахъ преп. Варсануфія, что „есть три мужа *совершенныхъ* предъ Богомъ, которые *превозмогли мѣру человечества* и получили власть рѣшить и вязать, отпускать грѣхи и удерживать ихъ. Они-то стоятъ между губительствомъ и міромъ, чтобы Господь не вдругъ истребилъ міръ---. Молитвы сихъ трехъ мужей сливаются во входѣ горняго жертвенника Отца свѣтовъ, и они сорадуются и свеселятся другъ другу *въ небесахъ*...“ (стр. 566). Это свидѣтельство Преподобнаго о трехъ праведникахъ, которыми стоитъ міръ, и о сверх-человѣческихъ ихъ дарованіяхъ весьма нуждалось бы въ разъясненіи (см. стр. 177—178), какъ нуждалось бы въ разъясненіи и приводимое о. Варнавою свидѣтельство Евагрія о томъ, что въ продолженіе пятидесяти (и болѣе) лѣтъ преп. Варсануфій „не вкушалъ ничего земного“ (стр. 200). Не менѣе таинственно и слово преподобнаго о Господѣ, какъ о своемъ „*братѣ*“, и о себѣ—какъ о „братѣ Иисуса“

(Отв. 181, 200, 345. Стр. 101—102). Вообще, о. Варнава останавливается вниманіемъ скорѣе на самомъ подвигѣ, чѣмъ на его плодахъ, и самыя достиженія Преподобнаго не дѣлають источникомъ науки о духовномъ мірѣ.

Мелкихъ недочетовъ можно указать въ разбираемомъ сочиненіи и еще не мало. Но всѣ они перевѣшиваются хотя бы одной только высокой оцѣнкой старчества у о. Варнавы, не говоря о другихъ, указанныхъ въ началѣ отзыва положительныхъ сторонахъ, и не мѣшаютъ признать Автора достойнымъ степени кандидата богословія“.

9) О сочиненіи студента *Вахаева Михаила* на тему: „Представленія бѣлоруссовъ о душѣ и загробной жизни по даннымъ бѣлорусскаго народнаго творчества“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Сочиненіе г. Вахаева, довольно обширное по своимъ размѣрамъ (I—XXX+318+I—VIII стр.), съ надлежащей полнотой и обстоятельностью обнимаетъ предметъ изслѣдованія. Во введеніи авторъ даетъ бѣглую характеристику народнаго міровоззрѣнія бѣлоруссовъ вообще, изображаетъ ихъ переплетающіяся языческія и христіанскія вѣрованія и въ то же время посвящаетъ читателя въ источники для изученія религіозныхъ вѣрованій бѣлорусскаго народа. Послѣдующее изложеніе раздѣляется на семь главъ. Въ первой изъ нихъ представлены въ общихъ чертахъ историческія судьбы Бѣлоруссіи въ доисторическое время и при началѣ русскаго государства. Предметомъ остальныхъ шести главъ служатъ: тѣ явленія жизни и природы, которыя, по бѣлорусскимъ суевѣріямъ, оказываются „предвѣстниками смерти“, представленія бѣлоруссовъ собственно о смерти, погребальныя обряды и поминки и ихъ значеніе, воззрѣнія бѣлоруссовъ на душу, локалізація посмертной жизни души человѣка, представленія о загробномъ существованіи. Въ концѣ приложенъ перечень источниковъ и пособій. Черезъ все содержаніе сочиненія проходитъ стремленіе изобразить въ цѣлостномъ и законченномъ видѣ ту интересную область міросозерцанія бѣлорусскаго народа, въ которую входятъ вопросы о загробномъ существованіи и человѣческой душѣ. Горизонтъ авторскихъ наблюденій весьма широкъ: согласно съ обѣщаніемъ

автора во введеніи, въ его сочиненіи привлекаются къ дѣлу бѣлорусскія вѣрованія, суевѣрія, обряды, обычаи, археологическія данныя, данныя языка и даже непосредственное знакомство автора съ жизнью и бытомъ бѣлоруссовъ. Объединенный въ цѣлостномъ изображеніи матеріалъ живо и наглядно обрисовываетъ передъ нами простолюдина — бѣлорусса съ его полуязыческими вѣрованіями въ загробное существованіе и грубыми, чувственными представленіями о человѣческой душѣ.

Къ сочиненію въ его наличномъ видѣ можно предъявить повышенныя требованія, и въ такомъ случаѣ, въ интересахъ самого автора, въ качествѣ болѣе общихъ недостатковъ слѣдуетъ отмѣтить: а) преобладаніе описательныхъ приемовъ передъ собственно изслѣдованіемъ религіозныхъ вѣрованій, вслѣдствіе чего читатель знакомится больше съ фактами, чѣмъ съ ихъ исторіей и значеніемъ; б) недостатокъ сравнительныхъ экскурсовъ въ область соответствующихъ вѣрованій другихъ русскихъ и славянскихъ племенъ, вслѣдствіе чего наиболѣе индивидуальныя черты бѣлорусскихъ народныхъ вѣрованій не достаточно рельефно выдѣляются изъ общей массы сходныхъ вѣрованій, присущихъ другимъ русскимъ и славянскимъ племенамъ (укажемъ для примѣра на „злыдни“, которыя авторъ склоненъ считать принадлежностью специально бѣлорусскихъ народныхъ представленій, по которымъ соответствуютъ и малорусскія „злыдни“). Кроме того, автора слѣдуетъ упрекнуть въ томъ, что иногда онъ слишкомъ категорически усволяетъ простымъ поэтическимъ образомъ значеніе религіозныхъ вѣрованій: Это относится, наприм., къ образу смерти — птицы (стр. 55 — 58) или къ образамъ души, взятымъ изъ растительнаго міра (стр. 180). Наконецъ, въ изложеніи попадаются изрѣдка неточности; такъ на стр. 2 русская лѣтопись почему-то пазывается „древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ“.

Но всѣ эти и подобные недостатки, отмѣчаемые нами съ пожеланіемъ устраненія ихъ, если авторъ пожелаетъ продолжать разработку своей темы, не заслоняютъ отъ читателя достоинствъ сочиненія г. Вахаева. Авторъ, не пожалѣвъ труда, изъ огромнаго количества разрозненныхъ источниковъ, изданій, сборниковъ, журнальныхъ статей, собралъ немалый матеріалъ, относящійся къ его предмету. Знаніе на-

роднаго бѣлорусскаго и польскаго языковъ открыло ему доступъ и къ источникамъ на этихъ языкахъ. Собранный такимъ образомъ матеріалъ расположенъ цѣлесообразно, съ пониманіемъ дѣла и разумнымъ приложеніемъ осторожныхъ научныхъ приѣмовъ. Изложеніе живое, стройное, объективное и въ литературномъ отношеніи не вызывающее никакихъ упрековъ. Авторъ можетъ работать въ области фольклора. Въ виду сказаннаго сочиненіе г. Вахаева должно быть признано хорошей кандидатской работой, дающей ему полное право на искомую степень“.

б) Доцента *Н. Д. Протасова*:

„Вниманіе рецензента остановила 1-я глава сочиненія — „Историческія судьбы Бѣлоруссіи и ея обитатели въ доисторическое время и при началѣ русскаго государства“ (стр. 1—26), какъ наиболѣе характерная для научныхъ приѣмовъ автора. Вотъ ея содержаніе.

Авторъ ставитъ вопросъ: „существуетъ - ли бѣлорусская народность, какъ отдѣльная (западная) вѣтвь русскаго племени?“ и отвѣчаетъ такъ. Бѣлоруссы—особенная, отдѣльная народность, принадлежащая „по своему происхожденію и по основнымъ чертамъ своего этническаго характера... къ общему русскому племени и ближе именно къ великорусской отрасли“ (2). Однако бѣлоруссы имѣютъ отличную отъ великоруссовъ и малороссовъ индивидуальную фізіопомію. Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на лѣтописное замѣчаніе о томъ, что отдѣльныя племена принадлежавшія къ „словѣномъ“, имѣли особенные обычаи, законы и проч. Но насколько примѣнимо это къ бѣлоруссамъ, авторъ не говоритъ.

Въ послѣдующее время эти этническо-индивидуальныя черты продолжаютъ сохраняться, достигши „апогея расцвѣта въ средневѣковой эпохѣ, восходя къ моменту образованія Московскаго единогодержавія“ (4). Съ момента образованія литовско-польскаго политическаго центра бѣлорусская народность постепенно затирается, полонизируется. И такъ было до 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Послѣ этого авторъ совершенно неожиданно заявляетъ: „все это сообщило облику этой западной вѣтви русскаго племени особенныя, индивидуальныя черты, ей одной свойственныя, что и заставляетъ отличать ее отъ единого рус-

скаго цѣлаго“ (7). Чѣмъ обусловленъ такой логическій скачекъ?

Со времени польскихъ возстаній въ наукѣ и литературѣ начинается интересъ къ бѣлоруссамъ.

Этимъ и заканчиваетъ авторъ содержаніе отдѣла — „историческія судьбы Бѣлоруссіи“.

Итакъ, кромѣ эскизныхъ, лишенныхъ всякой *фактической* почвы, хронологической датировки, замѣчаній, взятыхъ у Пыпина, авторъ ничего не даетъ.

Переходимъ ко второй части этого отдѣла — „ея (Бѣлоруссіи) обитатели въ доисторическое время и при началѣ русскаго государства“. Заголовокъ очень интересный, такъ какъ вообще историческая этно-географія Россіи совсѣмъ мало разработана.

Авторъ начинаетъ съ заявленія, что раньше онъ отмѣтилъ главные, болѣе замѣчательные, этапные моменты прошлой жизни Бѣлоруссіи (стр. 9).

Насколько преувеличенно это заявленіе, видно изъ даннаго выше пересказа содержанія первой половины настоящаго отдѣла.

Далѣе авторъ подчеркиваетъ важное значеніе вообще физическихъ особенностей территоріи для творчества самихъ обитателей, приводитъ нѣсколько выдержекъ для подтвержденія того, насколько различно судятъ о пространственномъ протяженіи территоріи Бѣлоруссіи, указываетъ на холмистость Бѣлоруссіи на сѣверѣ и общую низменность на югѣ. Отсюда слѣдуетъ, что Бѣлорусская народность находилась въ сношеніяхъ съ сосѣдними племенами. „Слѣдствіемъ“ доступности сѣверо-восточныхъ и западныхъ границъ „могло быть да и есть то, что бѣлоруссы легче усваивали и усваиваютъ особенности восточныхъ, сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей, чѣмъ особенности южныхъ сосѣдей — малороссовъ. Но, съ другой стороны, великое передвиженіе народностей.. бѣлоруссовъ больше сблизило съ малороссами, чѣмъ съ великоруссами“ (стр. 14).

Авторъ, очевидно, не замѣтилъ этой путаницы понятій.

Далѣе начинается самая неопредѣленная, сбитая рѣчь. Авторъ ставитъ вопросъ: „была-ли“ бѣлорусская территорія „заселена какимъ-либо племенемъ или, быть можетъ, была пустынна?“ Когда заселена? авторъ не поясняетъ. „Данныя

доисторической археологии въ связи съ свидѣтельствами писателей древности, лѣтописныя свидѣтельства и географическая номенклатура заставляютъ насъ на первую половину поставленнаго вопроса отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ. Кромѣ того, лѣтописи, насколько ей свойственна историческая перспектива (?), аборигенами Бѣлоруссинъ были русскіе славяне, съ довольно большимъ числомъ литовцевъ на западѣ, а на сѣверѣ и востокѣ финнами“ (ореографія и структура рѣчи автора). „Скажу въ скобкахъ, что такое соседство не могло не оказать вліянія на развитіе религиозныхъ представленій бѣлоруссовъ“ (стр. 15). Каковы-же данныя обитаемости въ доисторическую эпоху бѣлорусской территоріи? „...установлено, что обитатели этого края жили въ вѣкъ каменный, который потомъ смѣнился вѣкомъ бронзовымъ, желѣзнымъ“. Раскопки дали предметы палеолита и неолита. „Фактъ нахожденія въ странѣ Бѣлоруссовъ предметовъ каменнаго вѣка заставляеть признать, что этотъ край имѣлъ свое населеніе уже въ неолитическую эпоху, дату которой Нидерле опредѣляетъ въ 1000 л. до Р. X.“ Кто были эти аборигены бѣлорусской территоріи и имѣли-ли они какое отношеніе къ бѣлоруссамъ въ собственномъ смыслѣ — авторъ ничего не говоритъ (17—18). Отсюда, и всѣ справки автора съ паличнымъ археологическимъ матеріаломъ теряютъ всякую цѣнность.

Болѣе продуктивнымъ оказалось для г. Вахасва обращеніе къ лѣтописнымъ даннымъ, которыя позволили ему опредѣлить, что предками бѣлоруссовъ были, несомнѣнно, дреговичи, кривичи и радимичи (стр. 21—23). Далѣе, онъ задается опредѣленіемъ индивидуальной разницы между этими племенами путемъ анализа погребальныхъ обрядовъ. Однако, строгаго и точнаго отвѣта на этотъ счетъ мы у него не находимъ: онъ безуспѣшенъ установить эту разницу (стр. 24—25).

Итакъ, вотъ содержаніе 1-ой главы сочиненія автора. Ни исторіи бѣлорусской народности, хотя-бы въ эскизномъ видѣ, ни культурно-этническаго генезиса ея г. Вахаевъ не далъ: предъ нами очень неумѣлая сводка фрагментовъ сырого матеріала въ лучшемъ случаѣ, сводки безъ всякой системы, плана. Между тѣмъ, безъ всякихъ доказательствъ очевидна важность вопроса о культурной преемственности бѣлорусской народности для самаго предмета обслѣдованія автора: воз-

зрѣнія этой послѣдней на душу и загробную жизнь. Пока не опредѣлено вполне точно этническое мѣсто той или другой народности, ея, скажемъ, самобытное творчество никогда не будетъ понятно и доступно оцѣнкѣ: вопросъ о томъ, что дала она сравнительно съ своими сосѣдями, въ данномъ случаѣ — великоруссами и малороссами, рискуетъ остаться безъ отвѣта. Иначе говоря, авторъ не сможетъ примѣнить сравнительнаго метода при анализѣ самого народнаго, т. е. пережившаго рядъ эпохъ, творчества, потому—что онъ не обосновалъ своего права сравнивать творчество, скажемъ, бѣлоруссовъ съ малороссами. Автору нужно было *внимательно* отнестись къ даннымъ этно-географіи и археологіи для выясненія настоящаго вопроса, и тогда тѣ, напр., археологическія данныя, которыя въ его рукахъ оказались негоднымъ средствомъ, помогли-бы ему прежде всего установить тезисъ—можно-ли признавать извѣстную синхронистичность творчества великоруссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ? А для этого нужно было обратиться не къ Нидерле, а къ специальнымъ работамъ, напр., проф. Середонина, проф. Самоквасова, Н. И. Барсова, проф. Бѣляева, Ляскоронскаго, Довнаръ-Запольскаго и др. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что г. Вахаевъ на стр. 21 (прим.) дѣлаетъ ссылку на работу Довнаръ-Запольскаго о кривичахъ и дреговичахъ; слѣдовательно, это изданіе было у него подъ руками, но очень жаль, что онъ не воспользовался его данными: по крайней мѣрѣ, изъ текста 1-ой главы этого не видно.

Выше я указывалъ на желательность и научную продуктивность сравнительнаго метода для анализа продуктовъ народнаго творчества. И къ сожалѣнію приходится сказать, что г. Вахаевъ не обратился къ этому методу. Каждый отдѣлъ его сочиненія, гдѣ разсматриваются тѣ или другія воззрѣнія бѣлоруссовъ, представляетъ собою простую сводку подлежащаго матеріала (сказаній, повѣрій, философскихъ концепцій и проч.) безъ всякаго анализа, сравненій съ сродными данными творчества сосѣднихъ народностей. Между тѣмъ, какъ оказывается, многое изъ воззрѣній бѣлоруссовъ вполне естественно не только съ идеологіей аріійскихъ народовъ, но даже очень близко подходитъ къ воззрѣніямъ нѣкоторыхъ африканскихъ народцевъ (особенно воззрѣнія на сонъ, душу и пр.). Поэтому-то, сочиненіе г. Вахаева отмѣчено характе-

ромъ простого описанія, комбинированіемъ уже извѣстнаго матеріала, правда—систематизированнымъ.

Къ недостаткамъ сочиненія г. Вахаева, болѣе частнымъ, нужно отнести: небрежную форму изложенія, много варваризмовъ, отсутствіе оглавленія.

Однако, всё указанное недочеты вполне искупаются положительными сторонами работы автора и позволяютъ ей быть хорошимъ кандидатскимъ сочиненіемъ. Г. Вахаевъ не только собралъ и изучилъ до мельчайшихъ деталей большую литературу (болѣе 100 названій) на взятую тему, но и далъ много новаго, неизвѣстнаго матеріала, который ему удалось записать на мѣстахъ (ср., напр., стр. 37 сл., 77 прим., 144 и др.). Видно, что онъ работалъ съ любовью, старался дать полную и богатую деталями картину возрѣвнїи бѣлоруссовъ на душу и загробную жизнь. Эта тема заинтересовала его, что такъ рѣдко замѣчается въ рядовыхъ работахъ на степень, и нужно пожелать, чтобы г. Вахаевъ не бросилъ *начатого дѣла*, а продолжилъ свою работу по изученію бѣлорускаго народнаго творчества. И особенно нужно пожелать этого теперь, когда у насъ просыпается постепенно, но сильно чувство любви къ своему славянскому достоянію. Рецензентъ хочет надѣяться, что г. Вахаевъ будетъ работать и продолжать дѣло Тышкевичей, Яна Чечота, Зенкевича, Киркора и др.

Степени кандидата г. Вахаевъ заслуживаетъ вполне.

10) О сочиненіи студента *Введенскаго Михаила* на тему: „Сотеріологія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова“.

а) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Сочиненіе студента М. Введенскаго (стр. 198—около 110 печатныхъ) представляетъ не столько научное изслѣдованіе, сколько богословское разсужденіе, диссертацию въ собственномъ смыслѣ слова. Авторъ читалъ и перечитывалъ писанія Іоанна Богослова и размышлялъ надъ ними. Но къ твореніямъ Іоанна Богослова онъ подошелъ не безъ подготовки: онъ постоянно помнитъ о сотеріологіи церковной и святоотеческой, почему положенія этой сотеріологіи вычитываетъ у новозавѣтнаго Богослова и его сотеріологію поясняетъ и дополняетъ догматическими сужденіями церковныхъ писа-

телей позднѣйшаго времени. Особенно усердно авторъ пользуется твореніями св. Аѳанасія Великаго. Но и творенія самого Іоанна Богослова г. Введенскій не читалъ только, но и изучалъ, пользуясь разнообразными научными пособіями. Однако же авторъ выдерживаетъ въ своей работѣ характеръ именно разсужденія; сочиненіе написано почти совсѣмъ безъ обычнаго „научнаго аппарата“. Ссылки на научные труды у г. Введенскаго скорѣе случайны: онъ ссылается на нихъ только тамъ, гдѣ они оказали ему какую-нибудь услугу. Съ начала до конца сочиненія г. Введенскій ведетъ непрерывную цѣль своего разсужденія по своему собственному плану. Съ мнѣніями иначе мыслящихъ о богословіи Іоанна г. Введенскій обыкновенно не считается.

Ученіе св. Іоанна Богослова въ сочиненіи представлено полно и разносторонне.

Въ коротенькомъ предисловіи (стр. 3—7) авторъ замѣчаетъ, „что въ дѣлѣ спасенія центральное положеніе занимаетъ личность Спасителя“ (стр. 7), а потому авторъ прежде всего и ставитъ себѣ цѣлью уяснить ученіе Іоанна Богослова о Лицѣ Спасителя, но предварительно уясняетъ ученіе о Логосѣ, какъ оно раскрыто было въ философіи. Впрочемъ, авторъ ограничивается только ученіемъ о Логосѣ Филона, о которомъ и пишетъ 1-ую главу (стр. 9—30), всецѣло основываясь на трудѣ проф. М. Д. Муретова.

Во второй главѣ (стр. 30—63) излагается „ученіе Іоанна Богослова о Лицѣ Іисуса Христа, какъ воплотившагося Божественнаго Логоса“. Въ концѣ главы авторъ ставитъ вопросъ о цѣли воплощенія. „Если сынъ Божій пришелъ для того, чтобы спасти міръ—*σωτηρεῖν*—сдѣлать цѣлымъ, здоровымъ, то міръ (,) очевидно (,) находился въ состояніи болѣзненномъ, почему имѣлъ нужду въ спасеніи“ (стр. 63). Отсюда авторъ дѣлаетъ переходъ къ ученію ап. Іоанна о злѣ и грѣхѣ въ мірѣ. Этому ученію посвящена третья глава сочиненія (стр. 64—89).

Въ четвертой главѣ (стр. 89—100) авторъ говоритъ о Христѣ, какъ Искупителѣ міра.

Въ пятой (стр. 100—138)—о плодахъ искупительнаго дѣла Христова.

Въ шестой (стр. 138—186) изложено „Ученіе о спасеніи человѣка“.

Распорядокъ главъ сочиненія можетъ вызывать возраженія. Почему, напр., авторъ ученіе о Лицѣ Христа и о дѣлѣ Его раздѣлилъ на двѣ главы, между которыми вставилъ главу о грѣхѣ? Нельзя такъ же согласиться съ авторомъ, что въ исторіи ученія о Логосѣ можно ограничиться однимъ только ученіемъ Филона. Хотя бы и кратко, слѣдовало сказать о Логосѣ въ греческой философіи и въ раввинской теософіи. Въдѣ къ раввинской теософіи авторъ иногда прибѣгаетъ. Кромѣ того, ученіе Филона о Логосѣ въ сочиненіи автора стоитъ какъ-то особнякомъ. Авторъ ничего не говоритъ о томъ, для чего ему, пишущему о сотеріологіи св. Іоанна Богослова, потребовалось писать о Филопѣ Александрійскомъ. Первая глава сочиненія г. Введенскаго начинается такъ:

„Филонъ является представителемъ александрійской синкретической философіи“.

А кончается:

„Теперь мы можемъ перейти къ ученію Іоанна Богослова о Логосѣ“.

Можно сказать, что всѣ заимствованія изъ книги проф. М. Д. Муретова, которыми наполнена первая глава, остались совершенно безслѣдными для дальнѣйшаго содержанія сочиненія.

Рѣшительно неудачными слѣдуетъ назвать заглавія 4 и 5 отдѣловъ сочиненія, гдѣ мы видимъ совершенно чуждые богословію св. Іоанна термины— „Искупитель“, „искупительное дѣло“, эти термины у автора не случайность; они складены ученіе Іоанна Богослова о спасеніи протолковать въ смыслѣ ученія объ искупленіи, утрируя для этого (стр. 91—94) плохо имъ выясненное понятіе „Агнца Божія“. Вводя въ богословіе св. ап. Іоанна чуждые ему термины, авторъ подъ эти термины подставляетъ иногда Іоанновское содержаніе. Глубокой тайной искупительнаго дѣла г. Введенскій называетъ „созданіе новаго совершеннѣйшаго творенія“ (стр. 131). На дѣло Христово авторъ обыкновенно и смотритъ какъ на созданіе новой жизни (стр. 136), въ которой „христіане дѣлаются новой тварью, обладая всѣми тѣми благами жизни вѣчной, которыя реально воплощены въ Спасителѣ нашемъ“ (стр. 179). „Во Христѣ міру открылась вѣчная Божественная жизнь и новое твореніе въ лицѣ Его человѣческой природы. Люди получили возможность быть участниками этой жизни“ (стр. 187). Рядъ этихъ мыслей, конечно, трудно подве-

подъ понятіе искупленія. Но у автора есть и другой рядъ мыслей, мало согласныхъ съ отмѣченными. „По библейскому воззрѣнію смерть не только естественное слѣдствіе грѣха, но и наказаніе Божіе, результатъ проклятія Богомъ всей твари. Слѣдовательно, Христось, принявъ добровольно на Себя вѣ естественныя слѣдствія грѣха и порока, ставиль себя подъ проклятіе Божіе“ (стр. 95). „Во всемъ дѣлѣ спасенія исключительное положеніе занимають страданія, скорби и смерть Господа Иисуса Христа. Въ отношеніи къ Господу они являлись великою жертвой Его безкорыстной любви. Въ отношеніи же къ людямъ они являются средствомъ для обращенія къ Богу и спасенія. Отсюда (?) страданія Христа Спасителя были той великою жертвой, которую принесъ Онъ ради нашего спасенія“ (стр. 196). На послѣдней страницѣ своего сочиненія г. Введенскій говоритъ „о Христѣ, какъ о жертвѣ, присесенной за спасеніе міра“, оставляя безъ всякаго выясненія понятіе *ἀπαρτίωσις*. Но вдругъ въ послѣднихъ строкахъ читаемъ: „Эта жертва Христа является чудодѣйственной силой въ исторіи міра. Она создала новое человѣчество, которое, будучи не отъ міра сего, открываетъ въ ялзнии своей совершенство своего Создателя-Бога“. Какъ именно *жертва* создастъ новое человѣчество, этого мы въ сочиненіи г. Введенскаго понять не могли. Да и вообще мы думаемъ, что понятія „жертвы“ и „новаго человѣчества“ взяты изъ различныхъ идейныхъ областей. Введеніе авторомъ въ сотеріологію св. Іоанна Богослова въ излишней мѣрѣ юридическихъ элементовъ лишаетъ самую сотеріологическую систему Богослова опредѣленности.

Впрочемъ, такимъ впечатлѣніемъ мы возможно обязаны недостаткамъ авторскаго изложенія. Авторъ пишетъ просто, но не всегда его сужденія ясны и опредѣленны, не всегда его разсужденія стройны и строго послѣдовательны.

Можно автора еще упрекнуть за то, что онъ выясняетъ лишь нѣкоторыя изъ понятій сотеріологической системы св. Іоанна Богослова, оставляя большую ихъ часть безъ всякаго спеціальнаго выясненія. Такъ же поступаетъ авторъ и съ греческимъ новозавѣтнымъ текстомъ: въ однихъ случаяхъ онъ, хоть и кратко, его толкуеть, въ другихъ—просто приводитъ греческія фразы рядомъ съ русскими или славянскими, неизвѣстно съ какою цѣлію.

Обнаруживая свою начитанность въ святоотеческой литературѣ, авторъ иногда какъ бы забываетъ про Іоанна Богослова: порою кажется, что онъ пачищаетъ излагать ученіе о спасеніи св. Аѳанасія Великаго. А между тѣмъ авторъ, по-видимому, недостаточно использовалъ комментаріи на евангеліе Іоанна Богослова въ твореніяхъ св. Кирилла Александрійскаго.

Какъ на мелкіе недочеты сочиненія г. Введенскаго, можно указать на то, что онъ очень часто забываетъ подъ строкой ставить цитаты, иногда ставитъ цитаты невѣрныя (стр. 133, 190, 192 и др.) и вообще цитируетъ использованныя книги неточно. На стр. 176 авторъ различаетъ вѣру инстинктивную и сознательную. Что это можетъ значить?

Нужно однако признать, что указанные существенныя недостатки работы г. Введенскаго объясняются самымъ ея характеромъ. Въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о спасеніи, каждый имѣетъ свои взгляды и всегда обнаруживаетъ свою индивидуальность. Написать богословскій трактатъ, удовлетворяющій другихъ, несравненно труднѣе, нежели составить научно-богословское изслѣдованіе. Уже то, что авторъ берется за выясненіе важнѣйшаго ученія всякой богословской системы, должно быть поставлено ему въ большую заслугу. Обнаруженная же г. Введенскимъ освѣдомленность въ богословіи святоотеческомъ и способность самостоятельно богословствовать о спасеніи по писаніямъ апостола и евангелиста Іоанна даетъ ему полное право получить учепое званіе кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. П. Страхова*:

„Сочиненіе г. Введенскаго состоитъ изъ вступленія, шести главъ и заключенія. Во вступленіи авторъ намѣчаетъ основныя вопросы, подлежащіе его разсмотрѣнію. Указавъ, что христіанство есть живой историческій фактъ, познаваемый въ особенности внутреннимъ опытомъ, и отмѣтивъ высокую цѣнность въ этомъ отношеніи писаній св. ап. и ев. Іоанна Богослова, какъ мужа, осознаваго христіанство, какъ фактъ внутренняго опыта, авторъ обращаетъ вниманіе на двѣ основныя христіанскія истины, находямыя у ап. Іоанна: вѣру во Христа, какъ Сына Божія, и

обладаніе вѣчною жизнію, какъ слѣдствіе этой вѣры. Объективнымъ основаніемъ обѣщанія этихъ истинъ является личность Христа, воплотившагося Сына Божія, Божественнаго Логоса. Наименованіе Логоса, какое ап. Іоаннъ Богословъ усваиваетъ Христу, даетъ автору поводъ изложить ученіе Филона о Логосѣ, минуя греческую философію, такъ какъ система Филона „была,—по словамъ автора,—последнимъ словомъ въ развитіи ученія о Логосѣ“ (с. 7). Ученіе Филона Александрійскаго о Логосѣ составляетъ предметъ первой главы. Изложено это ученіе вполне удовлетворительно. Во второй главѣ г. Введенскій излагаетъ ученіе св. ап. и ев. Іоанна Богослова о Христѣ, какъ воплотившемся Божественномъ Логосѣ, Который является полнымъ самооткровеніемъ Божества“ (с. 40), Его свойствахъ (41—49) на основаніи анализа св. Іоанна 1, 1 и Его отношеніи къ твари (50—60) на основаніи анализа св. Іоан. 1, 3. Авторъ приходитъ къ такимъ выводамъ. Логосъ ап. и ев. Іоанна Богослова есть „Единородный Сынъ Божій, отъ вѣчности обитающій въ лонѣ Отца. Онъ единосущенъ Богу Отцу по природѣ Своей, имѣя равныя съ Нимъ Божественныя свойства. Въ иностасномъ Своемъ бытіи Сынъ Божій предвѣчно рождается отъ Бога Отца. Въ отношеніи къ твари Онъ является Творцомъ ея и Промыслителемъ и, наконецъ, въ фактѣ Своего воплощенія открывається Спасителемъ міру“ (62). Цѣлью воплощенія Сына Божія было избавленіе людей отъ грѣха. „Ученіе ап. и ев. Іоанна Богослова о грѣхѣ въ твари“ составляетъ предметъ третьей главы. Послѣ установленія сущности грѣха авторъ говоритъ о происхожденіи и виновникѣ грѣха—дьяволѣ—и о видахъ грѣха, причемъ для выясненія послѣдняго вопроса анализируетъ I Ін. 2, 16. Авторъ примѣнительно къ I Ін. 3, 4 опредѣляетъ „грѣхъ, какъ беззаконіе—уклоненіе отъ нормы, вложенной Божественнымъ Логосомъ въ тварь въ актѣ творенія“ (88). Въ частности, „въ душѣ человѣка грѣхъ открывається какъ горделивое самоутвержденіе въ одной области бытія—чувственной, имѣющее въ основѣ своей самоуслажденіе чувственными благами“ (Ів.). Въ четвертой главѣ авторъ излагаетъ ученіе ап. и ев. Іоанна Богослова о Христѣ, какъ Искупителѣ міра отъ грѣха и Избавителѣ отъ власти дьявола, какъ „Агнцѣ Божіемъ, принявшемъ на Себя грѣхъ міра“. Въ пятой главѣ авторъ говоритъ о плодахъ искупительнаго

дѣла Христова. Глава эта изложена недостаточно систематично. Авторъ начинаетъ ее съ уясненія самосознанія Генода по четвертому евангелію. Въ какой связи стоитъ этотъ вопросъ къ предмету главы, остается непонятнымъ. Затѣмъ авторъ послѣ небольшой исторической справки о способахъ исканія людьми истины разъясняетъ то положеніе, что Христосъ есть истина, путь и жизнь. Глава по связи съ вопросомъ о нравственномъ значеніи Мессіи заканчивается установленіемъ смысла словъ: „Сынъ Человѣческій“ согласно съ мнѣніемъ архіепа. Антонія. Въ шестой главѣ излагается ученіе о спасеніи человѣка или, точнѣе, объ условіяхъ и плодахъ спасенія—вѣрѣ во Христа и богатомъ рожденіи. Въ заключеніи авторъ, подводя итоги, выясняетъ, что по ученію ап. и ев. Іоанна Богослова дароваль Христосъ всему человѣчеству именно вѣчную жизнь и новое твореніе, въ чемъ усматриваетъ существенное отличіе Завѣта Новаго отъ Завѣта Ветхаго.

Какъ видимъ изъ предложеннаго общаго обзора сочиненія, памѣренія автора были очень широки. Онъ справедливо замѣчаетъ, что „въ дѣлѣ спасенія центральное положеніе занимаетъ личность Спасителя“, Христа Богочеловѣка. Почему онъ и даетъ въ своемъ сочиненіи главнымъ образомъ изложеніе ученія о личности Спасителя. Авторъ занимаетъ больше объективно-исторической стороной спасенія, нежели субъективно-индивидуальной. Авторъ излагаетъ больше христологию ап. и ев. Іоанна Богослова, нежели его сотериологию. А слѣдовало бы по темъ наоборотъ. Конечно, ученіе Іоанна Богослова о спасеніи нельзя излагать иначе, какъ только съ точки зрѣнія господствующей у него мысли объ откровеніи Бога во Христѣ, но автору слѣдовало бы на этой мысли задержаться нѣсколько меньше и притомъ, имѣя въ виду только ея отношеніе къ дѣлу спасенія людей. Для выясненія основной мысли ап. Іоанна объ откровеніи Бога во Христѣ автору необходимо было рассмотреть ученіе Іоанна Богослова о Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, какъ Сынѣ Человѣческомъ и Логосѣ или Словѣ Божіемъ. Откровеніе Бога во Христѣ, какъ Логосѣ или Словѣ, привело бы автора ко второй группѣ представленій и созерцаній ап. Іоанна, съ коихъ авторъ увидѣлъ бы осуществленную, по мысли Апостола, его основную мысль объ откровеніи Бога въ Делѣ

Христа. Таковы понятія жизни, свѣта, любви, истины, духа. Все они имѣютъ свое происхожденіе въ Богѣ, въ человѣческой міръ они вступаютъ видимо и реально въ учении Христа, въ Его дѣлахъ и Его Лицѣ, и вполне достигаютъ своей цѣли. когда люди начинаютъ жить во свѣтѣ, любви, истинѣ и дѣхѣ. На этомъ пути устанавливается общеніе людей съ Богомъ чрезъ Христа: отъ Бога черезъ Христа къ людямъ и отъ людей черезъ Христа къ Богу. Богочеловѣческая задача Христа — Логоса состояла въ сообщеніи—откровеніи людямъ этого принципа жизни. Отсюда ап. Іоаннъ называетъ Христа свѣтомъ, жизнью, истиной. Познаніе Христа чрезъ вѣру въ любви и даетъ человѣку спасеніе. Ап. Іоаннъ представляетъ спасеніе, какъ вѣчную жизнь, обладаніе коею возможно и въ настоящей жизни для вѣрующаго во Христа (Ін. 5, 24; срв. стт. 39, 40; 3, 36; I Ін. 4, 15; 5, 12). Христосъ есть хлѣбъ жизни (6, 48). Кто ѣстъ этотъ хлѣбъ, будетъ жить вѣчно (6, 51). Онъ есть воскресеніе и жизнь (11, 25), всякій вѣрующій въ Него не умретъ (11, 26). Двѣ характерныя черты отличаютъ новую жизнь, принесенную Христомъ. Это есть жизнь духовнаго вѣдѣнія и святого чувства. Эта мысль дается въ двухъ понятіяхъ „свѣта“ и „любви“. Тайна этой новой жизни во свѣтѣ и любви состоитъ въ единеніи со Христомъ. Онъ есть виноградная лоза, а ученики Его—вѣтви—отъ Него исходитъ вода, текущая въ вѣчную жизнь. Дѣло Христа продолжаетъ Св. Духъ, Утѣшитель, Который благодатью своею наставляетъ вѣрующихъ во всякой истинѣ.

Вотъ приблизительная нить пужныхъ разсужденій, которая по моему мнѣнію избавила бы автора отъ частыхъ повтореній, отъ непужныхъ отступленій и придала бы его сочиненію больше систематичности. Въ настоящемъ же своемъ видѣ сочиненіе г. Введенскаго является скорѣе собраніемъ матеріаловъ, чѣмъ систематическимъ изложеніемъ предмета. Авторъ взялъ очень трудную тему и не до конца ее продумалъ. Отсюда и безсистемность, и частыя повторенія въ его работѣ, и неполнота и краткость въ выясненіи важнѣйшихъ понятій ап. Іоанна (цар. свѣта и тьмы на с. 58, плоти на 61, спасенія на с. 90 и жизни на с. 55 и др.). Но при всемъ томъ—не столько систематично, сколько эскизно—авторъ потрудился достаточно. Онъ перечиталъ много серьез-

ныхъ богословскихъ книгъ, почему въ своихъ сужденіяхъ по большей части авторитетенъ. Такъ, ученіе Филона о Логосѣ онъ излагаетъ по книгѣ проф. М. Д. Муретова: „Ученіе о Логосѣ у Филона Алекс.“, при толкованіи отдѣльныхъ мѣстъ изъ евангелія и посланій ап. и ев. Іоанна Богослова пользуется трудами архіеп. Антонія, Еп. Михаила, проф. Д. И. Богдашевскаго (Еп. Василія), проф. Н. И. Сагарды, проф. С. М. Зарина, какъ ему извѣстенъ (хотя и мало) и богословскій словарь Крмера. Въ особенную похвалу автору должно быть поставлено широкое привлеченіе имъ отцовъ и учителей церкви къ разъясненію и иллюстраціи отдѣльныхъ вопросовъ и положеній. Такъ онъ пользуется трудами аввы Дорофея, Исаака Спріянина, Оригена, Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго, Григорія Нисскаго, Аванасія Алекс. (особенно часто), Григорія Богослова, Кирилла Алекс., Іоанна Златоустаго, Августина, бл. Теофилакта, Андрея Кесарійскаго и др. Равно какъ для иллюстраціи авторъ цитуетъ и нашихъ отечественныхъ богослововъ—Димитрія Херсонскаго, Иннокентія Херс. и Филарета Московскаго.—Все это увеличиваетъ удѣльный вѣсъ сочиненія г. Введенскаго, сообщаетъ ему научную документальность и даетъ полное право на присужденіе автору степени кандидата богословія“.

11) О сочиненіи студента *Вознесенскаго Осодора* на тему: „Московскій патерикъ“. (Описаніе жизни и подвиговъ святыхъ Московской епархіи).

а) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

„Авторъ далъ въ своемъ сочиненіи краткое описаніе жизни 32-хъ угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ подвигами и чудесами, почивающихъ въ предѣлахъ Московской епархіи. Оупущены въ его сочиненіи: преп. Сергій Радонежскій Чудотворецъ, Стефанъ, Еп. Пермскій, Димитрій Царевичъ и Патриархъ Ермогенъ; о послѣднихъ трехъ, правда, въ концѣ сочиненія приложенъ подробный указатель литературы, содержащей въ себѣ данныя объ ихъ житіи, дѣятельности и чудесахъ. Если приять во вниманіе общезвѣстность этихъ св. угодниковъ Божіихъ, то это самое и д. было побудить автора удѣлнить имъ особенное вниманіе, а не наоборотъ; онъ совсѣмъ ничего не говоритъ о нихъ потому, что о нихъ

много написано; такъ онъ самъ оправдываетъ себя въ этомъ опущеніи (см. стр. 5). Въдѣ и то, что онъ сообщаетъ о прочихъ 32-хъ лицахъ, онъ беретъ изъ готовыхъ сочиненій и изслѣдованій по исторіи Русской Церкви и гражданской исторіи, каковы труды М. Макарія, проф. Голубинскаго, изд. соч. Ключевскаго, Костомарова, Карамзина и др. Пользуется онъ и многочисленной литературой апологетическаго характера (напр. Филарета „Житія святыхъ“), статьями періодическихъ изданій, изданіями историческихъ актовъ и пр. Если просмотрѣть примѣчанія къ сочиненію, то можно поразиться, какъ могъ и успѣлъ авторъ собрать и просмотрѣть то количество печатнаго и рукописнаго матеріала, которое у него тамъ помѣчено: онъ какъ-будто перечиталъ не только крупныя труды по русской церковной и гражданской исторіи, но и всѣ архивы и рукописныя сборники. Тѣмъ удивительнѣе, что самыя житія св. угодниковъ въ его сочиненіи носятъ совершенно не соответствующій ученому аппарату примѣчаній характеръ: всѣ они оч. кратки, вышше біографичны, блѣдны и для духовно-назидательнаго религіознаго чтенія (что и имѣлъ въ виду авторъ въ своемъ сочиненіи, стр. 5-ая) даютъ очень мало пищи, такъ какъ никакой художественности не имѣютъ и опускаютъ все то чудесное, сверхъестественное, что такъ нравится благочестивому читателю. Автору слѣдовало бы для образца взять хотя писанія Поселянина и подражать ему. У него получится просто краткій біографическій справочникъ для святыхъ Москов. епархіи и тѣ обильныя примѣчанія, которыя занимаютъ на каждой страницѣ по десятку и болѣе строкъ, конечно взяты для видимости изъ тѣхъ капитальныхъ трудовъ, кои онъ имѣлъ подъ руками для составленія житій. Авторъ раздѣлилъ всѣхъ угодниковъ, о коихъ онъ пишетъ, по группамъ: 1) святители, 2) благовѣрные князья, 3) преподобные, 4) блаженные и въ такомъ порядкѣ онъ пишетъ о нихъ, начиная съ святителя Моск. Петра и кончая блж. Максимомъ, Христа ради юродивымъ. Намъ казалось, что можно было принять и ему то дѣленіе, которое принято въ агиологической литературѣ, напр. въ „Правосл. мѣсяцесловѣ“ Арх. Сергія, т. е.: 1) святые чтимые всеі Православной Церковью, 2) святые хотя и мѣстно-чтимые, но канонизованные Церковью, и 3) угодники не канонизованные, а мѣстно-

читимые служеніемъ пашнихидь. Авторъ обѣщався это сдѣлать, но не сдѣлалъ. Впрочемъ отъ этого характеръ сочиненія конечно не мѣняется. Авторъ видимо трудился очень много надъ собраніемъ матеріала и далъ приличный справочникъ для всякаго, кто интересуется святынями и св. угодниками сердца св. Руси—Москвы и ея монастырей. Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *О. Л. Андреева*:

„Работа г. Вознесенскаго довольно обширна по размѣрамъ и написана хорошимъ языкомъ, въ стилѣ тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался: часто трудно отличить, гдѣ кончается заимствованіе и начинается авторское. Вѣдущія біографія вездѣ преобладаетъ надъ духовной стороною дѣла, и хотя она выдержана строго въ житійномъ стилѣ, однако отъ патерика требовалось бы, кажется, иное распредѣленіе содержанія. Но, въ цѣломъ, работа тщательная и читается легко и съ удовольствіемъ.“

Главный и крупный недостатокъ, на нашъ взглядъ,—полное отсутствіе плана въ расположеніи житій: нѣтъ ни хронологической, ни географической, ни церковно-богослужебной, ни какой либо иной послѣдовательности. Часто въ слѣдующемъ житіи разсказывается о созданіи того монастыря, въ которомъ уже подвизался святой, житіе котораго изложено выше.

Бросаются въ глаза и кое-какія мелкія опшибки и неудачныя выраженія. „Цѣлый разрядъ однородныхъ святыхъ (стр. 5)“, „несознательная случайность (—14)“, „честная грудь“ святого (—98), преп. Максимъ Грекъ обвиненъ „въ политической неблагонадежности (—239)“, юродивые совершаютъ „гражданскіе подвиги (—245)“, къ св. Петру митрополиту стало собираться такъ много народа, что „онъ долженъ былъ соорудить храмъ Христа Спасителя (—9)“, св. Алексій хотѣлъ наложить на темныя боярскія дѣла „veto“ (—37).—Ссылки на источники приведены авторомъ подъ строчкой, а между тѣмъ замѣчанія вроде: „какъ увѣряетъ Скворцовъ (стр. 180)“ или—„Кузнецовъ“ (—261) приводятся въ самомъ текстѣ, что сильно портитъ житійный характеръ работы.—Странно выгладитъ также заключеніе въ кавычки такихъ выраженій, какъ „книжное ученье (стр. 82)“, „здра-

вый умъ (—164)“, „старець (—165)“, „знаменитый своимъ великимъ умомъ, своею ученостью, а также своею необыкновенною ревностью къ правдѣ Божіей (—217)“ и под. Повидимому авторъ считаетъ такія выраженія трафаретными, но, вѣдь если житіе разсматривать съ позитивной точки зрѣнія, то въ немъ слѣдовало бы взять въ кавычки больше половины текста. Если же видѣть въ немъ то, что оно собою и представляетъ въ дѣйствительности, т. е. повѣсть о чемъ то стоящемъ внѣ и выше обычнаго хода жизни, тогда всѣ эти выраженія оказываются вполне умѣстными.—Странными кажутся нѣкоторыя сокращенія: „храмъ Успенія Б—тери (стр. 90)“, „отъ Г—да Бога (—181)“, „архим—у съ братіей (ib)“ и под.—Далѣе, у автора есть обычай не вычеркивать ошибочныя слова и фразы, а только брать ихъ въ скобки, благодаря чему получаются странныя выраженія, вродѣ: „преп. Савва... спалъ на полу (когда молился)“, стр. 221.—Встрѣчаются неудачно построенныя предложенія, напримѣръ: „преп. Кириллъ... услышалъ голосъ объясняющій и какъ бы перстомъ указывающій то мѣсто, гдѣ долженъ быть устроенъ монастырь (—166)“.—Есть ошибки историческія: Іоаннь III названъ императоромъ (стр. 249).—Житійный тонъ дѣлается слащавымъ, когда авторъ распространяетъ его на несвятыхъ. Такъ, Симеонъ Гордый, по его мнѣнію, названъ такъ за свою твердость и умъ (стр. 27—28). Есть ошибки противъ текста священнаго Писанія. Авторъ, напримѣръ, рассказываетъ, что преп. Аванасій Серпуховскій обратился нѣкогда къ вѣрѣ, услышавъ въ церкви слова Евангелія: „*аще хощетъ* по мнѣ итти, да отвержется себѣ“ и т. д. (стр. 229). И тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, сообщаетъ, что преп. Сергій особенно „любилъ его за то, что онъ былъ знатокомъ Божественнаго Писанія“.

Все сочиненіе открывается такой фразой: „Подобно тому, какъ солнце, при восходѣ своемъ освѣщая вначалѣ тихимъ свѣтомъ только одну часть земнаго шара, съ теченіемъ дня становится ярче и ярче, освѣщаетъ и согрѣваетъ своими лучами всю поднебесную и возбуждаетъ къ жизни всю природу и т. д.“. Несомнѣнно, въ этихъ словахъ автора содержится указаніе на какую-то совершенно новую теорію строенія солнечной системы, но было бы желательно, чтобы онъ точнѣе опредѣлилъ то мѣсто на земномъ шарѣ, откуда начинается его ежедневное *постепенное* нагрѣваніе.

Конечно, всё эти мелочи несколько не мѣшают сочиненію г. Вознесенскаго быть вполне удовлетворительнымъ для полученія авторомъ его степени кандидата“.

12) О сочиненіи студента *Волскаго Харлампія* на тему: „Мпимо-христіанское обоснованіе анархизма въ послѣднихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Изложеніе и критика“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Таржева*:

„Г. Волскій сначала—въ предисловіи и первой главѣ—говоритъ о христіанствѣ Толстого. Онъ отмѣчаетъ у Толстого три концепціи христіанства: утилитарную, аскетическую и фаталистическую. Излагается каждая изъ этихъ концепцій. Затѣмъ—въ введеніи, которое слѣдуетъ за предисловіемъ, и въ главѣ второй—передается анархическое ученіе Толстого. Наконецъ, дается критика христіанскаго обоснованія анархизма по всѣмъ направленіямъ толстовскаго христіанства—утилитарному, аскетическому и фаталистическому.

Планъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, нужно признать удачнымъ. Къ неудачнымъ деталямъ слѣдуетъ отнести помѣщеніе введенія между предисловіемъ и первой главой, которыя должны бы слиться въ одно цѣлое, равно какъ и введеніе должно бы составить одно цѣлое со второй главой. Изложеніе христіанства Толстого названо первой главой, и обоснованіе анархизма у Толстого—главой второй, тогда какъ отдѣлъ „критика“ (стр. 117) не обозначается, какъ третья глава, а названа такъ послѣдняя часть этого отдѣла „разборъ обоснованія анархизма третьей концепціей христіанства Толстого“.

Различеніе въ „христіанствѣ Толстого“ разныхъ, значительно-расходящихся, направленій придаетъ изложенію религіозной проповѣди Толстого ясность и отчетливость. Анархическое ученіе Толстого не представлено авторомъ съ такою же отчетливостью; онъ ограничивается многочисленными выписками изъ сочиненій Толстого, имѣющими не столько теоретическій, сколько агитаторскій, проповѣдническій, литературный характеръ. Впрочемъ нельзя забывать того, что писанія Толстого, особенно на политическія темы, съ трудомъ поддаются систематизаціи. Въ критику анархиче-

ской проповѣди Толстого рѣчь автора снова становится отчетливой и конкретной. Однако остается спорнымъ, исчерпывается ли тремя концепціями христіанства у Толстого весь объемъ мнимо-христіанскаго обоснованія анархизма и устраняется ли несостоятельностью этихъ концепцій дальнѣйшій вопросъ о христіанскихъ основаніяхъ анархизма.

Содержаніе сочиненія заслуживаетъ одобренія. Замѣтно тщательное изученіе писаній Толстого и литературы о Толстомъ. Критическія замѣчанія автора существенны и основательны. Въ собственныхъ воззрѣніяхъ онъ стоитъ непоколебимо на христіанской почвѣ.

Отдѣльные промахи въ сужденіяхъ и языкѣ немногочисленны“.

б) П. д. доцента *О. К. Андреева*:

„Сочиненіе г. Волскаго невелико по объему, но написано съ любовью и недурнымъ языкомъ (за исключеніемъ предисловія, въ которомъ, кажется, нѣтъ ни одной грамматически правильной фразы: очевидно авторъ составлялъ его насильно передъ подачей работы). — Все, что требовала отъ него тема, авторомъ выполнено: у него имѣется и изложеніе анархическихъ взглядовъ Толстого, и довольно обстоятельная ихъ критика. По его представленію, анархическія тенденціи Толстого прошли три стадіи: анархизмъ на почвѣ утилитаризма, анархизмъ аскетическій и пассивный анархизмъ „непротивленія“. Лишь во второй его разновидности авторъ находитъ формальное сходство его съ аскетизмомъ христіанскимъ, два другіе вида оказываются совершенно чуждыми духу Евангелія. Однако, и противъ такой оговорки слѣдуетъ возразить. Неужели: „лучше не жешиться“ Крейцеровой сочаты имѣеть что-нибудь общаго съ подобнымъ же совѣтомъ ап. Павла? Правда, авторъ говоритъ только о формальномъ сходствѣ, однако и оно здѣсь нисколько не больше, чѣмъ и во всемъ толстовскомъ ученіи, если его сравнить съ христіанскимъ. Есть у автора и еще нѣсколько подобныхъ же переоцѣнокъ, но—въ цѣломъ—онъ нисколько не идеализируетъ Толстого, и ученіе послѣдняго ясно поворачивается къ читателю своей мертвой и мертвящей стороной. Это чувствуется даже въ мелочахъ. „Все, что мы знаемъ въ мірѣ, поучаетъ Толстой, мы знаемъ только потому, что это

познаваемое нами сходится съ законами этого разума (у автора стр. 31)“. Какая безжизненная и скучная сентенція! Въ своей философіи Толстой мертвъ, въ своемъ толкованіи Евангелія онъ становится мертвящимъ, хотя бы это толкованіе порою и не шло дальше „новаго перевода“. Всякое евангельское слово, къ которому только прикоснулася толстовская рука, тотчасъ блекнетъ и вянетъ, какъ сорванный цвѣтокъ. Кажется, небольшое дѣло замѣнить въ евангельскомъ текстѣ „женщину“—„бабой“, однако, рядомъ съ бабой, и Христось тотчасъ же теряетъ свой евангельскій обликъ и становится похожимъ на какого то безрелигіознаго хотя и гуманнаго аристократа. Правда, Толстой увѣряетъ, что онъ самъ для себя жаждетъ вѣры деревенской бабы, но такой вѣры вовсе нѣтъ, она существуетъ лишь въ его барскомъ воображеніи: христіанство не знаетъ деревенской бабы, оно знаетъ вѣрующую женщину, сестру—жену. Впрочемъ, Толстой мертвъ не до конца; его художественный геній, какъ правильно отмѣчаетъ авторъ, спасъ его отъ полной духовной смерти. Толстой, всетаки, былъ вѣчнымъ искателемъ, и ни на одномъ пунктѣ своего ученія онъ не устоялъ до конца. Эта вѣчная живость исканія оживляетъ мертвенность его схемъ. Авторъ думаетъ даже, что нельзя говорить объ ученіи Толстого въ цѣломъ, и въ этомъ онъ несомнѣнно правъ. Толстой всегда оставался глубже своего ученія; и апархизмъ его не всегда бывалъ одинаково программнымъ.

Можно было бы сдѣлать автору нѣсколько мелкихъ замѣчаній, но думается, что большая часть его промаховъ зависитъ отъ нѣкоторой спѣшности работы и къ существу дѣла не относится. Зато, есть недостатки противоположнаго характера: авторъ слишкомъ злоупотребляетъ выписками изъ сочиненій Толстого, что увеличиваетъ работу безъ нужды. Лучше было бы употребить время, потраченное на выписку ихъ, на лучшую отдѣлку самаго сочиненія. Тогда у него не было бы выраженій вроде: „евангеліе не отмѣняетъ формальную отмѣну этихъ формъ (стр. 125)“, „религія графа и его царство (стр. 167)“, „морализующіе юристы (стр. 46)“ и под.

Для полученія степени кандидата сочиненіе достаточно“.

стантина на тему: „Историческая основа церковно-приходских школ и состояніе ихъ въ концѣ XIX вѣка“.

а) *Ординарнаго профессора М. М. Богословскаго:*

„О. Вышелѣсскій различаетъ въ исторіи народнаго образованія въ Россіи четыре періода. Первый періодъ—отъ основанія школъ на Руси до Петра Великаго; второй—отъ Петра В. до Николая I; въ третій періодъ включаются царствованія императоровъ Николая I и Александра II; наконецъ, четвертый періодъ обнимаетъ собою время отъ начала царствованія императора Александра III до нашихъ дней. Обзоръ трехъ первыхъ періодовъ составляетъ первую часть сочиненія: изслѣдованію церковно-приходской школы въ четвертомъ періодѣ посвящена вторая часть. Но и въ первой части автора занимаютъ главнымъ образомъ судьбы церковнаго образованія на Руси; въ немъ онъ видитъ историческую основу для церковной школы нашего времени. Изученіе русской школы въ ея древнѣйшій періодъ разбивается на три отдѣла: а) народная школа со временъ Владимира Св. до раздѣленія Руси на Западную и Восточную. б) школы въ Западной Руси въ XV—XVII вв., с) школы въ Восточной Руси въ XV—XVII вв. Говоря о введеніи школы въ Россію (въ гл. III), авторъ обращаетъ вниманіе на дѣятельность русскихъ князей на пользу народнаго образованія и на дѣятельность въ этомъ отношеніи духовенства, а въ гл. IV даетъ очень живо написанный очеркъ того образованія, которое проходило въ школахъ перваго періода. Въ главѣ V изучается второй періодъ въ исторіи народнаго образованія отъ Петра В. до Николая I, характеризуемый авторомъ, какъ время, когда школа совершенно измѣняетъ свое многовѣковое церковное направленіе и подвергается сильному западно-европейскому вліянію. Третьему періоду посвящена глава VI. Намъ соединеніе царствованій Николая I и Александра II въ одинъ періодъ представляется неправильнымъ, и именно съ той точки зрѣнія, которой держится авторъ при установленіи своихъ хронологическихъ границъ. Если вполнѣ вѣрно, что древне-русское образованіе проникнуто церковнымъ характеромъ, а школа Петра В. и его преемниковъ находится подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, то какими общими черта-

ми характеризовать этот третий столь искусственно сложенный период? Сам автор говорит, что положение церковной школы при Николае I было благоприятно, она встретила к себе сочувствие, а в царствование Александра II она оказалась в упадке, что вместо 19.436 церковных школ в 60-х годах их стало всего 4440 в 1881 г. (136). (Заметим мимоходом, что эта цифра 4440 не совпадает с цифрой, указанной для того же 1881 г. на стр. 194, где их оказывается 4064). Недоумляем, как можно было полюсу благополучнаго состоянія соединять въ одинъ періодъ съ полосой рѣзкаго упадка. Главы III—V я считаю написанными наиболѣе удачно изъ всей первой части. О. Вышелѣсскій ознакомился съ обширной литературой предмета, и, если очеркъ школы въ X—XVIII вв., предлагаемый въ этихъ главахъ, не представляетъ собою самостоятельнаго изслѣдованія, то за то авторъ стоитъ здѣсь на надежной и прочной почвѣ, опираясь на предыдущія работы по тому же вопросу. Это знаніе литературы предмета я считаю однимъ изъ крупныхъ достоинствъ сочиненія о. Вышелѣскаго. Излишнею мнѣ кажется глава II—„Труды святыхъ апостоловъ и первоучителей Кирилла и Меодія и значеніе ихъ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи“. Приводить общеизвѣстные факты изъ житій свв. братьевъ было едва ли нужно. Непосредственной связи дѣятельность ихъ съ засажденіемъ школъ на Руси не имѣетъ и самъ авторъ совершенно правильно ведетъ начало русской церковной школы отъ Владиміра Св. Эту искусственно прилаженную къ сочиненію и органически съ нимъ не связанную главу авторъ почему то счелъ пужнымъ заключить статистическими данными о церковно-приходскихъ школахъ въ 1914 году.

Вторая часть даетъ характеристику состоянія церковно-приходскихъ школъ въ концѣ XIX в. Эта часть открывается главою VII, гдѣ авторъ изображаетъ отношеніе періодической печати къ вопросу о возстановленіи церковно-приходскихъ школъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Очень живо и ярко изложена полемика въ печати по этому вопросу, и для этого изложенія авторомъ перечитанъ значительный по объему матеріалъ. Задача, которую ставилъ себѣ о. Вышелѣсскій въ разбираемой главѣ, сопряжена была съ немалою опасностью. При изложеніи полемики двухъ сторонъ, одной изъ

которых авторъ горячо сочувствуетъ, легко было потерять равновѣсіе, рѣзко стать на одну сторону и несправедливо отнестись къ другой. Этой ошибки о. Вышелѣсскій, на мой взглядъ, удачно избѣгаетъ и въ изложеніи полемики соблюдаетъ необходимое для научнаго изслѣдованія спокойствіе. Можно пожалѣть, что эта глава не нашла себѣ необходимаго завершенія: сведенія въ краткую и ясную схему, изложенія въ видѣ формулъ тѣхъ доводовъ, которые приводились спорящими сторонами. Въ дальнѣйшихъ главахъ VII—XVI, вслѣдъ за рассказомъ о возстановленіи церковно-приходскихъ школъ въ 1884 г., находимъ обзоръ мѣропріятій по развитію и упроченію церковно-школьнаго дѣла, очеркъ дѣятельности приходскаго духовенства по открытію и устройству церковно-приходскихъ школъ, очеркъ типовъ церковной школы и характеристики учебно-воспитательной части въ нихъ и наконецъ оцѣнку церковно-приходской школы съ исторической, научно-образовательной и религіозно-воспитательной точекъ зрѣнія. Авторъ для составленія этой части собралъ большой матеріалъ, заключающійся въ официальныхъ документахъ, частію изданныхъ, частію неизданныхъ и впервые извлеченныхъ авторомъ изъ дѣлъ Статистическаго Отдѣла Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. Этотъ матеріалъ съ большою любовью и тщаніемъ разработанъ и помѣщенъ авторомъ въ видѣ обширнаго приложенія къ работѣ, состоящаго изъ 14 разнаго рода статистическихъ таблицъ и столькихъ же отчетливо и изящно исполненныхъ діаграммъ. Читатель, интересующійся положеніемъ церковно-приходскихъ школъ въ Россіи, найдетъ во второй части труда о. Вышелѣскаго цѣлый рядъ данныхъ. Эта часть представляетъ собою вполне самостоятельное научное изслѣдованіе. Быть можетъ не со всѣми статистическими сопоставленіями автора придется согласиться, быть можетъ напр. не совсѣмъ правильно при сравненіи цифръ церковныхъ школъ и земскихъ принимать во вниманіе церковныя школы грамоты (216), но неизбѣжныя въ каждомъ статистическомъ трудѣ ошибки въ приѣмахъ—все же не умаляютъ цѣнности приводимыхъ данныхъ.

Указанныя достоинства работы о. Вышелѣскаго даютъ мнѣ полное основаніе считать ее заслуживающею искомой ученой степени“.

б) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора А. П. Шостына:

„Выяснивъ предварительно сущность и основной характеръ церковно-школьнаго просвѣщенія (стр. 3—19) и высказавъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о значеніи славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи (20—28), о. Вышелѣскій переходитъ далѣе къ изложенію исторіи народнаго образованія на Руси отъ времянь Влади-мира Св. до Петра Вел. (29—84), затѣмъ — отъ Петра I до Николая I (85—123) и отъ Николая I до Александра III (124—154).

Таково содержаніе *первой* части изслѣдованія о. Выше-лѣскаго.

Во *второй* части заключается болѣе обстоятельный и подро-бный очеркъ виѣшней и внутренней судьбы церковно-приход-скихъ школь, возстановленныхъ въ 1884 году и приведен-ныхъ въ стройную систему въ концѣ XIX вѣка (157—299). Здѣсь авторъ прежде всего подробно излагаетъ различныя возраженія противъ церковно-приходскихъ школь, приво-дившіяся въ періодической печати при возстановленіи ихъ и появившіяся впослѣдствіи, а также и опроверженія этихъ возраженій со стороны консервативныхъ и духовныхъ орга-новъ печати; затѣмъ онъ описываетъ возстановленіе церковно-приходскихъ школь, постепенное развитіе и упроченіе ихъ и весьма наглядно обрисовываетъ состояніе каждаго типа этихъ школь въ концѣ XIX вѣка, причемъ свои сужденія иллюстрируетъ разными сравненіями, статистическими таб-лицами и діаграммами (помѣщенными въ концѣ сочиненія въ видѣ особаго приложенія къ нему). Заключиваетъ авторъ эту важнѣйшую часть сочиненія весьма тщательною оцѣнкою церковно-школьнаго дѣла съ исторической, научно-образо-вательной и религіозно-воспитательной точекъ зрѣнія, совер-шенно безпристрастно опредѣляя какъ достоинства, такъ и недостатки церковно-приходскихъ школь.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что иногда о. Вышелѣскій проявляетъ излишнее довѣріе къ своимъ пособіямъ и замѣ-тываетъ изъ нихъ свѣдѣнія, не провѣряя по первоисточни-камъ, которые могли бы быть вполне доступны ему. Такъ напр., довѣрившись статьѣ Н. Соколова (въ Церк. Вѣдом.

1897 г.), онъ приводитъ на стр. 35 *пятое* правило VI вселенскаго собора, которымъ — по его словамъ — „прямо вмѣняется священникамъ въ обязанность открывать въ селахъ и деревняхъ школы для обученія дѣтей прихожанъ“. Посмотрѣвъ въ „Книгу Правиль св. Апостоль, св. Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. Отець“, изданную въ Синодальной типографіи, онъ не нашель бы тамъ такого правила.

Едва ли правильно поступаетъ онъ и въ томъ случаѣ, когда выдѣляетъ въ *одинъ* періодъ столь различныя въ историко-педагогическомъ отношеніи эпохи, какъ царствованія императоровъ Николая I и Александра II, и разсматриваетъ ихъ совмѣстно въ гл. VI.

Но эти частныя погрѣшности совершенно ступшевываются предъ несомнѣнными научными достоинствами труда о. Вышелѣскаго. Къ таковымъ достоинствамъ должно отнести внимательное изученіе имъ обширной литературы своего предмета и повсюду замѣчаемое стремленіе къ научной объективности сужденій при всемъ видимомъ сочувствіи его церковно-школьному дѣлу, также извлеченіе авторомъ весьма цѣнныхъ и интересныхъ данныхъ изъ архива Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, изъ многихъ періодическихъ изданій, и очень живое изложеніе ихъ литературно-правильнымъ языкомъ.

Для присужденія автору степени кандидата богословія разсмотрѣнный трудъ вполне достаточенъ“.

14) О сочиненіи студента *Георгіевскаго Сергья* на тему: „Типы духовенства въ русской литературѣ послѣдняго времени“.

а) Доцента *В. П. Виноградова*:

„Художественная литература справедливо разсматривается какъ отраженіе общественнаго сознанія. Съ другой стороны, если пастырство въ своей дѣятельности обязано опираться прежде всего на свободное признаніе и совѣсть пасомыхъ, то для успѣха пастырской дѣятельности имѣетъ первостепенное значеніе должная оріентировка въ вопросъ: въ какомъ видѣ и насколько правильно въ современномъ общественномъ сознаніи представляется пастырство, какъ по своей реальной дѣйствительности, такъ и по идеальной сущности.

Пастырству необходимо знать: какъ на него смотрять, что отъ него ждуть и что оно само должно ждаты въ отношеніи себя? Только правильная ориентировка въ этихъ вопросахъ дастъ возможность каждому истинному дѣятелю на нивѣ Христовой уяснить ближайшіе приемы и задачи своей дѣятельности: насколько онъ можетъ и должепъ удовлетворить ожиданія общественной совѣсти и насколько нѣтъ; гдѣ общая почва, на которой можно прежде всего сойтись и объединиться съ душами пасомыхъ, и гдѣ начинается расхожденіе, которое нужно примирить или исправить. Понятно послѣ этого, какую серьезную цѣпность для пастыря и для науки Пастырскаго богословія представляетъ ознакомленіе съ тѣми взглядами на пастырство—въ его реальной дѣйствительности и идеальной сущности,—которые современная изящная литература воплощаетъ въ цѣломъ рядѣ типическихъ образовъ. Изученіе этихъ типическихъ образовъ современной русской литературы и было поставлено задачей г. Георгіевскому.

Авторъ отнесся къ своей задачѣ добросовѣстно и съ любовью. Въ первой главѣ своей работы онъ путемъ анализа литературныхъ типовъ духовенства ярко вскрываетъ, какъ представляетъ себя русское общество положительныя и отрицательныя черты пастырской жизнедѣятельности и личной жизни русскаго духовенства. Установивъ, что въ выведенныхъ типахъ преобладають отрицательныя черты, нашъ авторъ во второй главѣ выясняетъ тѣ причины, которыми, по сознанию самого общества, обусловливается наличие этихъ отрицательныхъ чертъ. Въ третьей, послѣдней главѣ авторъ устанавливаетъ тѣ идеалы пастырскаго служенія, которые предносятся русскому обществу, и даетъ имъ критическую оцѣнку съ точки зрѣнія того міросозерцанія, какое дается наукой Пастырскаго богословія.

Авторъ ознакомился съ источниками своей работы, какъ литературнаго, такъ и научно-богословскаго свойства, въ вполне удовлетворительной степени. Его анализъ литературныхъ произведеній нигдѣ не уклоняется отъ специальныхъ, пасторологическихъ цѣлей и задачъ: въ каждомъ отдельномъ случаѣ онъ подходитъ къ литературному произведенію съ положительными пастырско-богословскими воззрѣніями, обоснованными на трудахъ виднѣйшихъ русскихъ пасторологовъ. Но такъ какъ ни у одного изъ нихъ нѣтъ пол-

ной, логически-стройной системы, то и нашъ авторъ. естественно, оказывается безсильнымъ дать своимъ пасторологическимъ взглядамъ и сужденіямъ достаточно удовлетворительную формулировку и логическую ясность, опредѣленность и стройность; въ этихъ взглядахъ и сужденіяхъ нѣтъ достаточной глубины и широты мысли. Подойдя къ анализу литературныхъ произведеній съ такими несовершенными научно-богословскими средствами, нашъ авторъ, конечно, не могъ дать анализа особенно глубокаго и оригинальнаго. Сочиненіе г. Георгіевскаго поэтому нельзя назвать сколько-нибудь выдающимся, но, какъ вполне добросовѣстная, серьезная студенческая работа, — оно даетъ автору полное право на степень кандидата богословія. Думаю, что оно было бы небезполезно и въ печатномъ видѣ“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Кандидатскую работу г. Георгіевскаго трудно назвать работой. Работа его состояла въ чтеніи повѣстей и романовъ изъ быта духовенства и въ ихъ элементарномъ обсужденіи. Первое—пріятно дѣлать послѣ обѣда; второе—за чаемъ въ доброй компаніи. Но г. Георгіевскій смотритъ на свою работу, какъ на трудъ по Пастырскому Богословію. Постараемся и мы взглянуть на нее съ этой точки зрѣнія.

„Въ своей работѣ по предмету Пастырскаго Богословія мы старались, заявляетъ г. Георгіевскій, выяснитъ то, какими чертами современная художественная литература изображаетъ наше духовенство, всегда ли современное наше пастырство стоитъ на высотѣ поставленныхъ предъ нимъ задачъ и что, по взгляду художественной литературы, въ условіяхъ жизни духовенства мѣшаетъ истинному служенію пастыря“ (стр. 5).

Повидимому г. Георгіевскій собирался учиться у художественной литературы, узнать отъ нея, что мѣшаетъ пастырямъ быть истинными пастырями, что имъ нужно дѣлать? Напрасно: учиться этому у художественной литературы нельзя, и самъ г. Георгіевскій чувствуетъ это. Въ своемъ маленькомъ твореніи онъ наиболѣе останавливается на повѣсти Потапенко—„На дѣйствительной службѣ“ и Л. Андреева—„Жизнь Василя Өнвейскаго“. Потапенко дѣйствительно хотѣлъ представить, какимъ долженъ быть пастырь, но вывести

типъ неживой и нелѣпый. А. Андреевъ по обыкновенію хотѣлъ сказать что-то очень умное и очень страшное и по обыкновенію у него ничего не вышло. Загѣмъ заниматься подобными произведеніями?

Художественная литература можетъ быть полезна пастырю для выясненія отношеній—конечно, сложныхъ и разнообразныхъ—общества къ пастырямъ, для выясненія требованій, предъявленныхъ обществомъ къ пастырямъ, наконецъ для выясненія оцѣнки духовенства, производимой обществомъ. Съ этихъ сторонъ г. Георгіевскій не пожелалъ разсматривать литературу, а литературу, относящуюся отрицательно къ духовенству, онъ совсѣмъ не пожелалъ разсматривать. Это похоже на то, какъ если бы христіанскіе пастыри первыхъ вѣковъ не пожелали считаться съ возводимымъ на нихъ обвиненіемъ въ употребленіи человѣческой крови.

Не пожелалъ г. Георгіевскій обратить вниманіе и на то, что художественная литература—разъ она стремится быть объективной—даетъ намъ возможность познакомиться съ пастырствомъ въ различныхъ условіяхъ жизни. Степные богатѣи Гусева-Оренбургскаго и забытые великорусскіе попки Чехова, это—нѣчто совершенно различное.

Да и вообще г. Георгіевскій на многое не пожелалъ обратить вниманіе. Въ его „трудѣ“ немного страницъ и цѣмного мыслей. Можетъ быть впрочемъ этотъ трудъ и принесетъ ему какую-нибудь пользу“.

15) О сочиненіи студента *Голубцова Михаила* на тему: „Христіанская Топографія Козьмы Индиконлова въ славяно-русскомъ переводѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Т. Турникова*:

„Славянскій текстъ памятника, изслѣдованію котораго посвящено сочиненіе г. Голубцова, представляетъ большой интересъ и со стороны своего языка, и со стороны своего содержанія. Между тѣмъ до сихъ поръ этотъ памятникъ не подвергнутъ специальному разсмотрѣнію, хотя бы съ цѣлю рѣшенія самыхъ основныхъ вопросовъ, касающихся его славянскаго текста: о времени и мѣстѣ славянскаго перевода, національности переводчика, достоинствахъ и недостаткахъ перевода, лексическомъ матеріалѣ. Задачей г. Голубцова и было изучить памятникъ именно въ этомъ направленіи.

Его сочиненіе состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ, который названъ введеніемъ, разсматривается небольшая литература вопроса, опредѣляются задачи и методъ изслѣдованія, даются свѣдѣнія о жизни и трудѣ автора Христіанской Топографіи, о судьбѣ памятника на византійской почвѣ и объ его изданіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ характеризуется славянскій переводъ Топографіи со стороны содержанія, при чемъ, путемъ тщательнаго сличенія славянскаго текста съ греческимъ подлинникомъ, авторъ детально отмѣчаетъ славянскія вставки и распространенія, пропуски и видоизмѣненія. Въ третьемъ отдѣлѣ славянскій текстъ характеризуется со стороны приемовъ перевода въ области морфологій и лексики. Въ четвертомъ отдѣлѣ рѣшается вопросъ о времени и мѣстѣ перевода на основаніи данныхъ языка, при чемъ авторъ приурочиваетъ древнѣйшую (изъ двухъ) редакціи перевода къ эпохѣ до XII в. и думаетъ, что она явилась „у южныхъ славянъ“ (стр. 114); накопецъ здѣсь же дается „словарный матеріалъ, извлекаемый изъ славянскаго перевода Топографіи“.

Такимъ обр., какъ видно изъ представленнаго обзора содержанія, сочиненіе довольно всесторонне обнимаетъ предметъ изслѣдованія. Авторъ совершенно правильно понялъ свои задачи. Онъ старательно сличилъ славянскій переводъ съ греческимъ подлинникомъ, изучилъ славянскій текстъ со стороны языка, не ограничившись, при томъ, однимъ только изданіемъ памятника, но привлекая къ дѣлу даже и нѣкоторые рукописный матеріалъ, составилъ, хотя далеко и не исчерпывающій, но все-же достаточный для сужденія о переводѣ, словарь.

Но, къ сожалѣнію, авторъ, при наличности другихъ благоприятныхъ данныхъ для успешнаго выполненія своего труда, далеко не достигъ той степени законченной освѣдомленности въ области филологій, которая придала бы *gravitas* и сообщила твердую почву всему его изслѣдованію. Онъ не обладаетъ достаточной подготовкой въ области исторіи русскаго и церковно-славянскаго языка, и это сказалось въ цѣломъ рядѣ неправильныхъ сужденій о фактахъ языка, неточностей, невѣрныхъ освѣщеній. Основное положеніе въ сочиненіи о появленіи славянскаго перевода Топографіи у южныхъ славянъ для читателя не обставлено убѣдительными

данными. Даже словарь, надъ которымъ автору пришлось не мало потрудиться, способенъ внушить недоумѣнія. Такъ, славянскія слова Топографіи, не встрѣчающіяся въ извѣстномъ Лексиконѣ Миклошича, какъ представляющія собою относительную рѣдкость, у автора—вполнѣ цѣлесообразно—выдѣляются путемъ особаго обозначенія (два крестика). Но, къ своему удивленію, читатель замѣчаетъ, что значительная часть не встрѣчающихся у Миклошича, по мнѣнію г. Голубцова, словъ на самомъ дѣлѣ тамъ имѣется и съ тѣмъ же значеніемъ (напр.: богини, вещь, внимати, глубина, желати (=желѣти?), избранъ, изволити, къзнь, много, мѣтежь, начало, подобно, полагаги и др.). Достаточно, чтобы то или иное слово въ Лексиконѣ Миклошича стояло въ другой формѣ, или съ болѣе правильнымъ правописаніемъ, или съ другимъ греческимъ терминомъ (напр., полагаги у Голубцова съ *ἐποτίθῃσι*, а у Микл. съ *τιθέναι*), и для г. Голубцова оно оказывается не существующимъ у Миклошича. На другихъ частностяхъ въ трудѣ г. Голубцова мы останавливаться не будемъ, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ въ своей основѣ одинъ, указанный, недостатокъ.

Однако, разсматриваемое сочиненіе, взятое въ цѣломъ, и по количеству затраченнаго на него труда, и по мѣткимъ наблюденіямъ, и по нѣкоторымъ основательнымъ выводамъ, и по послѣдовательности мыслей—должно быть признано совершенно удовлетворяющимъ своему практическому назначенію. Рѣдкимъ для студенческихъ работъ достоинствомъ этого сочиненія, между проч., является сжатость изложенія (въ соч. всего 128 стрр.). Языкъ—выработанный, почти безукоризненный. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) П. д. доцента священника *Г. М. Смирнова*:

„На курсовое сочиненіе г. Голубцова приходится смотрѣть, какъ на подготовительную работу по отношенію къ иной, болѣе охватывающей предметъ той же темы.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ разсуждать объ особенностяхъ славяно-русскаго перевода „Христіанской Топографіи“, необходимо заранѣе составить себѣ отчетливое представленіе о самомъ *текстѣ* этого перевода: привести въ наличность его списки, поставить ихъ въ извѣстное отношеніе,

установить их генеалогію. Но оказывается, что подобный основной вопрос о редакціях славянскаго перевода „Христ. Топографіи“ по „многимъ обстоятельствамъ“ (см. 4 стр.) оставленъ авторомъ въ сторонѣ. Вся же предлагаемая работа по характеристикѣ перевода производилась надъ текстомъ *только одной* и то самой поздней рецензи: — фотолит. изданія Общ. Любит. Древн. Письм., въ помощь которому были добавлены три списка изъ б-ки Моск. Дух. Академіи. Если постановка дѣла такова, то, разумѣется, все добытые результаты, не смотря на ихъ цѣнность, имѣютъ только условное значеніе (какъ относящіяся лишь къ названной группѣ списковъ *одной* редакціи Христіанской Топографіи), а посему и поставленная въ заголовкѣ сочиненія г. Голубцова тема: „Христіанская Топографія Козьмы Инд. въ сл.-рус. переводѣ“—должна имѣть, чтобы не вводить въ заблужденіе читателя, ограничительную добавку: „по спискамъ б-ки Моск. Дух. Академіи и изд. Общ. Люб. Древн. Письменности“.

Но и цѣнимое въ свойственныхъ ему предѣлахъ, т. е. какъ работа подготовительная по отношенію къ главной, сочиненіе г. Голубцова производитъ въ общемъ вполне удовлетворительное, а мѣстами даже весьма выгодное впечатлѣніе. Это послѣднее приходится отнести на долю *первыхъ* двухъ главъ, посвященныхъ авторомъ выясненію содержанія текста Топографіи: прямая задача ихъ предмета выполнена, можно сказать, безупречно. Все особенности славянскаго текста: вставки, пропуски, добавленія, сокращенія и пр. особенности, благодаря дословному сопоставленію его съ греческимъ (по изд. Миня), для читателя совершенно ясны. Большаго, собственно, и требовать трудно.

Но къ сожалѣнію ничего подобнаго нельзя сказать про вторую половину сочиненія: какъ *третья*, такъ и *четвертая* главы, въ которыхъ авторъ даетъ характеристику славянскаго перевода со стороны приемовъ переводчика и со стороны языка, — являются плодомъ какого-то печальнаго недоразумѣнія и полной авторской неподготовленности къ работамъ въ области славянскаго языкознанія.—Во 1-хъ, авторъ совершенно упустилъ изъ вида, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло съ текстомъ *только одной* редакціи и притомъ самой поздней. Если онъ хотѣлъ говорить о языкѣ славянскаго перевода, то вправдѣ былъ это дѣлать только примѣнительно къ спис-

камъ названной редакціи. Но, имѣя въ рукахъ списки Топографіи уже XV—XVI вв., притомъ самой поздней редакціи, гдѣ уже сказалось сильное вліяніе *двухъ* лицъ (=древняго переводчика и болѣе поздняго редактора), браться за разрѣшеніе вопроса о приемахъ переводчика и особенностяхъ языка перевода—того перевода, который, по словамъ автора, сдѣланъ ранѣе XII вѣка (а м. б. даже въ кружкѣ Іоанна Экзарха), — вещь не только чрезвычайно рискованная, но и заранѣе обреченная на неудачу. — Если и можно было достигнуть сравнительно удовлетворительныхъ результатовъ, то только въ области лексики (напр. ею удобно воспользоваться было для хронологической и топографической локализации древнѣйшаго перевода), которая, какъ элементъ консервативный, болѣе застрахована отъ вліяній времени; но и здѣсь, во 2-хъ, авторъ обнаружилъ полное незнаніе способовъ ея приложенія. Конечно, приличной компенсаціей авторскаго упущенія (подразумѣвается отсутствіе необходимыхъ словарныхъ параллелей въ самой работѣ) могъ служить хорошо составленный словарь изъ памятника, гдѣ читатель самъ сумѣлъ бы при желаніи разобраться и исполнить, отчасти, указанный недостатокъ. Къ настоящей работѣ словарь дѣйствительно приложенъ, но можно сказать, что въ указанномъ отношеніи онъ бесполезенъ. Ни откуда не видно, чтобы въ качествѣ руководства при его составленіи авторомъ были приняты какіе либо иные прищипы, кромѣ только соображеній *личнаго* его характера и вкуса, которыя (соображенія), въ виду полной неосвѣдомленности автора относительно общепринятыхъ приемовъ анализа лексики славянскихъ памятниковъ, едва ли могутъ считаться удовлетворительными. Поэтому, указанный словарь цѣненъ лишь постольку, поскольку туда *случайно* могли быть занесены нужные лексическіе элементы. Касаться частныхъ недоразумѣній его состава мы не будемъ.

Итакъ, если въ первой своей половинѣ сочиненіе г. Голубцова цѣнно, такъ какъ оно даетъ основательный подготовительный (въ предѣлахъ одной редакціи) матеріалъ къ будущимъ занятіямъ на указанную тему, то лингвистическій анализъ перевода ему придется продѣлать заново.

Въ общемъ же создается впечатлѣніе отъ работы вполне достаточное для присужденія искомой степени“.

16) О сочиненіи студента священника Делекторскаго *Феофора* на тему: „Ветхозавѣтные пророки, какъ пастыри“.

а) Доцента *іеромонаха Варфолоея (Ремова)*:

„О. Делекторскій работалъ надъ своимъ сочиненіемъ лишь съ октября мѣсяца, но рецензентъ очень доволенъ его работой, какъ удачной и умѣлой въ общемъ. Конечно, авторъ работалъ надъ предметомъ близкимъ его сердцу и интереснымъ, но все же отрадно, что за 8 мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ очень достаточно. Авторъ подобралъ довольно хорошую литературу, не только узко трактующую избранный имъ предметъ, но и вообще ориентирующую въ знакомствѣ съ идейной и исторической сферами Библии и библейской науки. Прочитанные имъ святоотеческія творенія и новѣйшіе труды далеко не исчерпываютъ собою всю сокровищницу богословской литературы, и о. Феофора нельзя признать использовавшимъ всю литературу своего предмета, но можно сказать, что имъ проработаны серьезные труды и проработаны серьезно. Авторъ обладаетъ достаточными познаніями въ классическихъ древнихъ и трехъ новыхъ языкахъ—явленіе рѣдкое среди пишущихъ кандидатскія работы,—поэтому онъ обильно черпалъ, не затрудняясь, изъ тѣхъ книгъ, которыя успѣлъ изучить, богатый матеріалъ. Нѣкоторыхъ изъ Св. оо. онъ прямо цитировалъ за отсутствіемъ переводовъ по подлиннику. Особенно мы цѣнимъ въ сочиненіи о. Делекторскаго то, что онъ внимательно изучилъ самую Библию, и поэтому его сужденія и цитируемые имъ взгляды разныхъ исследователей находятъ у него провѣрку и обоснованіе въ Библии. Если какой можно и даже должно указать пробѣлъ—недостатокъ въ работѣ о. Делекторскаго по изученію библейскаго матеріала, то слѣдующій: о. Делекторскій очень мало обращается къ оригинальному тексту Библии и, сознавая свою неопытность въ филологическихъ изысканіяхъ, ищетъ постоянно опоры въ чьемъ-нибудь авторитетѣ. Такъ для оправданія принимаемаго имъ чтенія тетраграммы—Божественнаго имени יהוה о. Делекторскій обращается къ труду Архим. Феофана: „Тетраграмма или ветхозавѣтное Божественное имя יהוה (С.-Петербургъ 1905) и находитъ тамъ для себя опору (прилож. 1-е реценз. сочин., стр. 171—177).

На протяженіи 170 страницъ большого формата (42¹/₂ ли-

ста) о. Теодоръ даетъ очень хорошее сочиненіе по слѣдующему—хорошо разработанному плану.— *Часть первая*—Значеніе пастырскаго служенія пророковъ для Израиля и для христіанства. Гл. 1.—Причины, вызвавшія въ исторіи Еврейскаго народа появленіе пророковъ-пастырей. Избраніе Богомъ Еврейскаго племени и назначеніе его. Характеристика народнаго духа Еврейскаго племени. Гл. 2.—Ближайшая цѣль пастырской дѣятельности пророковъ. Отношеніе пророковъ—пастырей къ закону. Отношеніе пророковъ-пастырей къ священству и царству. Глава 3.—Главная цѣль пастырскаго служенія пророковъ. Израиль—носитель Богооткровенной Истины и Божественнаго Сѣмени. Миссія Израиля. Значеніе служенія пророковъ Израилью, какъ царству Божію на землѣ. Значеніе пастырскаго служенія пророковъ для христіанства.— *Часть вторая*. Дѣятельность пророковъ-пастырей. Глава 1.—Завѣтъ Господа съ Израилемъ, какъ основаніе для пастырской дѣятельности пророковъ. Глава 2.—Пастырская дѣятельность Моисея. Глава 3.—Пророки дѣятели, какъ пастыри. Глава 4.—Пророки-писатели, какъ пастыри.— *Часть третья*.—Идеаль ветхозавѣтнаго пророка-пастыря. Глава 1.—Библейское употребленіе слова *נָבִיא*. Глава 2.—Филологическій анализъ и употребленіе термина *נָבִיא*. Глава 3.—Отношеніе другихъ названій пророка къ термину *נָבִיא*. Глава 4.—Призваніе пророка-пастыря. Глава 5.—Паства—предметъ пастырскаго душепопеченія. Глава 6.—Служеніе пророка-пастыря народу. Глава 7.—Религіозно-нравственная личность пастыря. Глава 8.—Враги пророка-пастыря. Глава 9.—Пассивная сторона пророческаго пастырства. Глава 10.—Внѣшнія и внутреннія особенности пастырскаго служенія пророковъ.— Вотъ о чемъ трактуетъ о. Делекторскій въ своемъ сочиненіи. Мы имѣемъ возможность на основаніи представленной работы судить о томъ, какою была бы работа о. Делекторскаго, если бы его трудъ протекалъ въ нормальныхъ студенческихъ условіяхъ: вѣдь по независящимъ отъ него обстоятельствамъ нашъ авторъ взялъ тему для своей работы лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ, а работалъ надъ нею онъ при наличности нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ для писанія кандидатскаго сочиненія условій. И тѣмъ не менѣе на сочиненіи лежитъ печать огромной работы и большой продуманности. О. Делекторскій умѣетъ быть въ своемъ изложеніи очень интереснымъ. Методологіе:

ученыхъ работъ ему не чужда. Но приходится признать, что недостатокъ времени повліялъ на значительность разработки вопроса. Если въ началѣ сочиненія о. Феодоръ имѣетъ еще, повидимому, болѣе возможности широко развѣивать и обстоятельно трактовать свой предметъ (хотя и здѣсь онъ очень кратокъ, напр. критикуя на 23—24 стр. стремительно, но недостаточно основательно взгляды проф. М. Э. Поснова), то въ третьей части работы онъ совсѣмъ кратокъ, доводя изложеніе едва не до размѣровъ конспективнаго. Такъ приходится ему трактовать интереснѣйшую и важнѣйшую—основоположительную, принципиально-идеологическую часть своего изслѣдованія. Терминъ *пу* о. Делекторскій разъясняетъ довольно хорошо, но дальше прямо жаль, что, приводя массу цитатъ, онъ оставляетъ читателю самому знакомиться съ ихъ содержаніемъ; затѣмъ бросаетъ, что называется на ходу, цѣнныя мысли, которыя оставляетъ безъ развитія, но которыя онъ хорошо продумалъ. Особенно кратки главы 4 и 8 *части третьей*, между тѣмъ какъ именно онѣ-то и затрагиваютъ интереснѣйшіе вопросы пастырскаго служенія пророковъ Ветхаго Завета.

Трудъ о. Делекторскаго по характеру своему не столько научный въ строгомъ смыслѣ слова, сколько популярно-научный. И приемы его изложенія носятъ печать этого. Авторъ нашъ не пускается въ море узко-научныхъ справокъ: онъ предпочитаетъ на основаніи имѣющагося въ распоряженіи его матеріала разъяснять предметъ изслѣдованія, представлять его вниманію читателя. Мы рекомендуемъ о. Делекторскому современемъ подѣлиться съ читающей популярныя богословскіе журналы частью общества своимъ трудомъ, но только не въ теперешнемъ его видѣ—сгущенномъ,—а въ видѣ болѣе развитыхъ и обстоятельно изложенныхъ очерковъ. Популярный характеръ сочиненія особенно выразительно отражается на его стилѣ. Не смотря на почти конспективную, особенно съ половины, сжатость этого сочиненія—экстракта, оно написано простымъ и довольно красивымъ языкомъ. Вопреки обыкновенію, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на нѣкоторыхъ шероховатостяхъ стиля о. Делекторскаго (весьма немногихъ).

Есть въ трудѣ о. Делекторскаго одна особенность, довольно характерная для него. Если бы сочиненіе о. Делекторскаго

было болѣе спеціальнымъ по характеру и методу, то не было бы замѣтно, думается, въ немъ большой начитанности нашего автора. Пріятно, что начитанность эта пріобрѣтена авторомъ не ad hoc, — онъ приступилъ къ занятіямъ надъ своею темою, уже почитавъ достаточно не только изъ области богословской вообще, но и изъ области библейскаго вѣдѣнія въ частности. Отсюда авторъ смогъ легко разобраться въ литературѣ своего предмета, а затѣмъ и въ изложеніи своего труда быть самостоятельнымъ, независимымъ.

Какъ и во всякой работѣ, и въ сочиненіи о Делекторскаго есть особенно удачныя страницы (напр. 51, 82—83, 86, 112—120, 162), есть и мѣста болѣе слабыя (стр. 58). Очень хорошо говоритъ нашъ авторъ о значеніи и духѣ закона (стр. 19—20) и очень неудачно опредѣляетъ, что „весь кругозоръ духа еврейскаго ограничивался внутреннею жизнью, становясь въ отрицательное отношеніе къ природѣ“ (стр. 20). Столь же неудачно трактуетъ о Делекторскій о способѣ познаванія пророческаго — въ духѣ гносеологическаго онтологизма (на той-же стр. и далѣе). На 12 стр. — переводъ недостаточно удовлетворителенъ. Хорошо хотя и коротенькое, но весьма содержательное „заключеніе“ сочиненія (стр. 165—170), гдѣ авторъ ярко и довольно сильно суммируетъ содержаніе своей работы, суммируетъ умѣло — не повторяясь и даже внося новыя, интересныя сужденія по изслѣдуемому вопросу.

Въ отношеніи къ литературѣ, которою пользуется, о Делекторскій весьма тщателенъ и чистоплотенъ. Предъ сочиненіемъ приведенъ списокъ его источниковъ и пособій; но здѣсь авторъ помѣщаетъ только главнѣйшія свои пособія. Прочія же пособія—болѣе случайнаго характера—о Делекторскій предпочитаетъ приводить лишь тогда, когда приводитъ изъ нихъ выдержки.

Кромѣ приложенія, трактующаго объ имени Божіемъ, объ его произношеніи — чтеніи, есть въ сочиненіи о Делекторскаго еще два приложенія.—Приложеніе 2-е даетъ хронологическую таблицу ветхозавѣтныхъ пророковъ. Въ ней о Делекторскій тщательно цитируетъ пособія, при помощи которыхъ она составлена. Но къ ней нехватаетъ комментарія, который бы сдѣлалъ ее болѣе полезной для читателя и болѣе удобной для пользованія ею. Впрочемъ, справедливость требуетъ

признать съ рѣшительностью, что эта работа, какъ и самое составленіе таблицы, является нѣкоторою сверхъ-должною заслугою нашего автора.—Столь же сверхъ-должный характеръ имѣетъ и 3-е приложение — переводъ очень близкой предмету темы о. Делекторскаго небольшой брошюры Н. Niemöller'a: *Die Propheten Israels und ihre Bedeutung für unsere Zeit* (Elberfeld, 1904).—Этотъ переводъ весьма тепло и одушевленно написанной рѣчи - размышленія нуждается въ стилистическихъ поправкахъ, но потомъ исполнѣть могъ бы быть напечатанъ на страницахъ популярно-богословскаго журнала.

Такимъ образомъ, впечатлѣніе наше отъ работы о. Делекторскаго опредѣленное—въ его пользу. Мы кратко характеризовали ее. Что же касается до какихъ-либо особыхъ похвалъ о. Делекторскому, то мы считаемъ ихъ излишними. Будетъ, думается намъ, совершенно умѣстнымъ подчеркнуть, что сочиненіе о. Делекторскаго отличается выпуклостью изложенія. Благодаря этому свойству его характерныя черты выступаютъ очень явно, и видны ясно и достоинства его и недостатки...

Степени кандидата богословія о. Делекторскій достоинъ и заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Делекторскаго отличается широтою изученія предмета и детальностью изложенія. Съ пастырскимъ элементомъ въ служеніи пророковъ нашъ авторъ хорошо ознакомился и дифференціально выяснилъ его отношеніе къ пророческому служенію вообще. Единственнымъ недостаткомъ сочиненія является слабое знаніе оригинальнаго языка ветхозавѣтной Библии, а потому нѣкоторые термины изъ сферы профитологіи очерчены неполнѣ рельефно“.

17) О сочиненіи студента *Десятова Александра* на тему: „Пасторологическій анализъ русской изящной литературы послѣдняго времени“.

а) Доцента *В. П. Виноградова*:

„Въ отзывахъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ на ту же тему въ прошлые годы я имѣлъ уже случай не разъ указывать

на высокую цѣнность и задачи пасторологическихъ работъ того типа, къ которому принадлежитъ сочиненіе г. Десятова. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною доселѣ кандидатскихъ сочиненій на эту тему сочиненіе г. Десятова нужно признать наиболѣе удачнымъ. Онъ вполне ясно понялъ свою задачу—дать религіозно-нравственный анализъ тѣмъ душевнымъ переживаніямъ и настроеніямъ, которыми характеризуется современный человѣкъ въ произведеніяхъ современной литературы. Авторъ очень удачно избралъ для своего пасторологическаго анализа, или вѣрнѣе, ограничилъ объемъ своего анализа произведеніями А. П. Чехова, со дня смерти котораго въ текущемъ учебномъ году исполнилось какъ разъ десятилѣтіе. „Обладая, справедливо пишетъ авторъ въ объясненіе своего выбора, истиннымъ и громаднымъ художественнымъ талантомъ, который способенъ воспринять въ себя громадную массу впечатлѣній отъ наблюдаемой дѣйствительности, Чеховъ воспроизвелъ русскую жизнь въ необычайно широкомъ объемѣ. „Смѣло можно сказать, заявляетъ одинъ изъ литературныхъ критиковъ, что рѣшительно всѣ преобладающіе въ нашей современной жизни типы нашли себѣ мѣсто въ книгахъ Чехова, изображены имъ во весь ростъ и изображены съ безпощадной вѣрностью. Трудно даже представить такой типъ, такое общественное положеніе, такую коллизію обстоятельствъ, которыя не были бы подмѣчены Чеховымъ“. Съ другой стороны, Чеховъ обладалъ способностью тонкаго и глубокаго психологическаго анализа, благодаря которому онъ могъ на нѣсколькихъ, двухъ-трехъ страничкахъ нарисовать съ необычайной выпуклостью цѣлыя картины, дать цѣлую психологію того или другаго состоянія. „У Чехова, замѣчаетъ одинъ изъ его критиковъ-богослововъ, мы находимъ образъ нашей собственной души, порой съ такими тончайшими изгибами, которыхъ мы сами не въ состояніи подмѣтить. Его творчество—это наша исповѣдь и отраженіе нашей скорби“. Цѣнность тончайшаго анализа человѣческой души увеличивается въ творествѣ Чехова еще болѣе тѣмъ, что онъ, какъ истинный художникъ, производилъ его совершенно безпристрастно и въ то же время былъ полонъ гуманнымъ чувствомъ уваженія, любви и состраданія къ человѣческой личности, вѣрой въ великую ея цѣнность и значеніе. Наконецъ, сущность творчества Чехова, взятаго въ цѣломъ его

объемъ, есть, по справедливому мнѣнію С. Н. Булгакова, загадка о человѣкѣ, надъ которой мучилось и мучается челоѳчество. и эта загадка въ Чеховской постановкѣ можетъ получить или религіозное разрѣшеніе или... никакого. Въ первомъ случаѣ Чеховъ прямо приводитъ къ самому центральному догмату христіанской религіи, ученію о Голгоѣѣ и искупленіи, во второмъ къ самому ужасающему и безнадежному пессимизму, оставляющему далеко позади разочарованіе Байрона“.

Однимъ изъ основныхъ настроеній, воспроизведенныхъ въ произведеніяхъ Чехова, является „хмурость“, недовольство жизнью—специфическое настроеніе „лишнихъ людей“, главныхъ героевъ Чехова. Какъ вполне опредѣленно отмѣчено литературной критикой, самое видное мѣсто въ произведеніяхъ Чехова занимаетъ до высшей степени осложнившаяся психологія „лишняго челоѳка“. Какъ живые встаютъ передъ нами всѣ эти протестующіе, мятущіеся люди, безпокойные, нудные, полные тоскливаго исканія“. Религіозно-нравственному анализу этого настроенія и посвящаетъ г. Десятовъ бѳльшую половину своего изслѣдованія—I-ю главу. II-я глава посвящена анализу психологіи „нормальнаго“ челоѳка, III-я психологіи „простого народа“. Въ послѣдней—IV главѣ авторъ рельефно представляетъ Чеховское пониманіе души русскаго пастыря и главнѣйшаго средства спасенія „падшихъ“.

Работа г. Десятова съ очевидностью доказываетъ, какой богатый психологическій матеріалъ даетъ для науки Пастырскаго богословія специальный анализъ литературныхъ произведеній. Этотъ матеріалъ въ широкихъ размѣрахъ извлечь намимъ авторомъ, систематизированъ и освѣщенъ съ точки зрѣнія того отдѣла Пастырскаго богословія, который специально изслѣдуетъ религіозно-нравственныя состоянія и процессы челоѳческой души—Аскетики. Такъ какъ работъ подобнаго рода въ нашей русскоѣ пасторологической литературѣ, можно сказать, почти нѣтъ, то автору пришлось вполне самостоятельно прокладывать себѣ дорогу. Это обстоятельство двояко отразилось на сочиненіи г. Десятова: и въ положительную и отрицательную сторону. Съ одной стороны это обусловило самостоятельность и оригинальность сужденій автора, съ другой стороны—рядъ дефектовъ какъ матеріальнаго, такъ и формальнаго свойства, неизбѣжныхъ для работниковъ, прорубающихъ новыя пути. Противъ его выво-

довь, равно какъ и частыхъ сужденій, и систематизаціи матеріала—можно многое возражать и, по мѣстамъ, съ полнымъ правомъ. Его анализъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній не всегда достаточно глубоко и справедливъ; иногда—прямо поверхностенъ. Но, во всякомъ случаѣ, нашъ авторъ пролагаетъ новую дорогу въ совершенно вѣрномъ направленіи и съ успѣхомъ.

Степени кандидата богословія авторъ, конечно, заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *Н. А. Флоренскаго*:

„Сочиненіе г. Десятова едва ли можетъ быть признано вполне соответствующимъ своей темѣ. Изящная литература, привлеченная къ изученію въ этой работѣ, ограничивается произведеніями одного только Чехова, каковыя относятся къ литературѣ „послѣдняго времени“ было бы натяжкой. Но это формальное несоответствіе сочиненія своему заглавію не мѣшаетъ ему быть читаемымъ не безъ интереса. Наиболее живо и сочно написана глава первая, о типѣ „лишняго человѣка“. Слѣдующія затѣмъ главы: „Нормальный человѣкъ“, „Мужики“ и „Пастыри и пасомые“ разработаны съ послѣдовательно убывающею степенью тщательности, схематичны, неполны и читаются съ интересомъ меньшимъ, чѣмъ глава первая. Конечно, тутъ могла сказаться естественно-возрастающая къ концу учебнаго года утомленность Автора. Но, мнѣ думается, что не утомленностью одно должно объяснять указанную неравномѣрность въ разработкѣ главъ, а и причиною болѣе существенною. Авторъ, думается мнѣ, не сумѣлъ разобраться въ изучаемыхъ типахъ; не сумѣлъ же—потому, что положилъ въ основу своего труда совершенно ложную теорію художественнаго творчества, какъ „обобщающаго“ дѣйствительность умственнаго процесса. Почти отождествивъ художественные образы съ „обобщеніями“ науки и, повидимому, считая—еще болѣе того ложно, что „обобщенія“ науки суть самая дѣйствительность, а не условныя схемы и методологическіе приемы прагматическаго назначенія, г. Десятовъ некритически рѣшилъ, что съ художественными образами можно обращаться въ точности такъ, какъ съ объектами дѣйствительности, и что изслѣдователю

нѣтъ дѣла до творца этихъ образовъ и до сокровенныхъ глубинъ его личной жизни. При этомъ, г. Десятовъ почему-то вообразилъ, что это некритическое пользование художественнымъ матеріаломъ составляетъ законную привиллегію именно пастырскаго богословія и что работникъ этой области чуть ли ни обязанъ быть некритическимъ по самымъ требованіямъ пасторологическаго метода. Не стоить, конечно, оспаривать это утвержденіе, тѣмъ болѣе чуждое пастырскому богословію, что это послѣднее близко къ аскетикѣ и пользуется достижениями послѣдней. Напомню г. Десятову лишь то, что даже, кажущееся столь простымъ и непосредственнымъ, выраженіе мыслей, чувствъ и желаній—въ дѣйствительности вовсе не такъ просто, ибо до появленія своего на свѣтъ оно подлежитъ без- и полу-сознательной редакторской обработкѣ и дѣлается достояніемъ внѣшняго міра не иначе, какъ послѣ одобренія нѣкоторымъ цензурнымъ комитетомъ внутри насъ. Посему, въ цѣляхъ пастырскаго богословія (и тутъ—болѣе, чѣмъ гдѣ-либо), весьма необходимо даже въ самыхъ обыкновенныхъ словахъ учитывать эту ихъ непростоту, происходящую отъ неизмѣримой сложности той психической мастерской, гдѣ высказыванія вырабатываются,—весьма необходимо принимать во вниманіе скрытые мотивы высказываній, истинный смыслъ ихъ и цензуру надъ ними сознанія. При изслѣдованіи же высказываній не самого лица, переживающаго ихъ содержаніе, а художественныхъ подобій, этимъ лицомъ словесно создаваемыхъ эта критичность должна дѣлаться сугубой. Вѣдь мало того, что художникъ свое слово о своихъ дѣйствующихъ лицахъ говоритъ вовсе не просто; но и самыя дѣйствующія лица художественнаго произведенія, имѣя свойство давать иллюзію дѣйствующихъ лицъ, должны унодобляться такимъ и въ сложности процесса своихъ высказываній, такъ что и ихъ слова никогда не могутъ быть рассматриваемы *просто*, некритически. Слѣдовательно, въ высказываніяхъ дѣйствующихъ лицъ художественныхъ произведеній имѣется символизмъ второго порядка, тенденція тенденціи, цензура цензуры, маскировка маскировки того, что воистину совершается въ душѣ художника. Да, конечно, художественное произведеніе даетъ познаніе о дѣйствительныхъ душевныхъ процессахъ; но это познаніе—гораздо болѣе глубокое и достигается работою надъ художественными образами гораздо болѣе тонкою,

чѣмъ полагаетъ г. Десятовъ, кстати сказать, вовсе не учитывающій художественныхъ образовъ съ существеннѣйшей ихъ стороны—ихъ эмоциональнаго сгущенія. При томъ же упрощенномъ пользованіи художественными образами, которымъ пользуется г. Десятовъ, они нерѣдко болѣе закрываютъ душу, нежели открываютъ ее,—по признанію Меттерниха: „Языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли“.

Но, можетъ быть, все сказанное выше не имѣетъ въ данномъ случаѣ практическаго значенія? Можетъ быть, и вѣря на слово героямъ Чехова, мы узнаемъ не менѣе того, что узнали бы, критически вслушиваясь въ ихъ высказыванія?—Отнюдь нѣтъ. Г. Десятовъ воспринимаетъ иныя слова какъ разъ наоборотъ тому, что они значатъ у Чехова. Для нашего изслѣдователя остается незамѣченной тонкая и все-разрушительная язвительность Чехова въ отношеніи вѣры, и онъ не видитъ, что истинный смыслъ приводимыхъ имъ словъ чеховскихъ героев о вѣрѣ, какъ положительномъ началѣ жизни,—глумленіе надъ вѣрой, приведеніе вѣры къ абсурду. „Лучше не имѣть никакой вѣры, быть «лишнимъ человѣкомъ», чѣмъ имѣть ее и потерять обликъ человѣческій“—вотъ огрубленно и напрямикъ высказанная мысль Чехова. Но,—скажетъ мнѣ Авторъ разбираемаго изслѣдованія—, это такое же субъективное воспріятіе, какъ и мое,—положительное“. Отвѣчаю: „Хотя правильность *этого* воспріятія и можно доказать контекстомъ, но на немъ сейчасъ не буду стоять. Однако, Вы признаёте, что нашъ споръ надо какъ-нибудь рѣшить? Какъ же? Очевидно, надо обратиться къ изученію *личности* Чехова, и на фонѣ этого изученія мы ясно увидимъ, каковы истинныя устремленія чеховскихъ образовъ, этихъ проэекцій во-внѣ его внутренней жизни, этихъ сновидѣній художника на яву“. Г. Десятовъ ничуть не поинтересовался личностію Чехова, даже не прочелъ его „Писемъ“. А между тѣмъ, даже поверхностное ознакомленіе съ матеріаломъ, обрисовывающимъ личность Чехова, показало бы ему, до какой степени онъ не правъ, дѣлая Чехова своимъ сотоварищемъ по Академіи и ставя ему „за настроеніе“ полный баллъ. Увѣряю г. Десятова, что Чехову болѣе четверки никакъ не получить, — если только г.г. помощники инспектора не будутъ столь же мало бдительны, какъ и самъ г. Десятовъ.

Можно думать, что Авторъ разбираемаго сочиненія смутно

чуяль какія-то невязки своей концепціи. Эти невязки не могут дать о себѣ особенно знать въ главѣ о „лишнемъ человѣкѣ“, ибо тутъ слова Чехова менѣе всего нуждаются въ подозрительномъ разслѣдованіи ихъ истиннаго смысла. Вотъ почему эта глава удалась. Но тамъ, гдѣ пониманіе душевной жизни *самого* Чехова требовалось все болѣе и болѣе, г. Десятовъ сбивается, начинаетъ детонировать и благоразумно спѣшить какъ-нибудь поскорѣе и въ полголоса прикончить свое изслѣдованіе. Поэтому-то, разсмотрѣніе Чеховскихъ типовъ, начатое довольно удачно въ терминахъ и под угломъ зрѣнія аскетики, въ послѣдующихъ главахъ дѣлается условнымъ подведеніемъ Чехова подъ рубрики аскетики, и, что еще хуже, аскетическія понятія, не будучи въ силахъ сдержать напоръ Чеховскаго гуманизма, сами незамѣтно перерождаются въ понятія гуманистическія. Положительно неприятно видѣть, какъ христіанская любовь пріобрѣтаетъ психологическія свойства и оказывается не то альтруизмомъ, не то чѣмъ-то изъ Толстого. Почему это произошло—поятно. Видѣ г. Десятовъ не подмѣтилъ, какъ Чеховъ, нѣжный и отзывчивый, когда идетъ рѣчь о страданіяхъ нравственныхъ, окаменѣваетъ сердцемъ, лишь только заговариваетъ о страданіяхъ около вѣры и изъ за вѣры. Онъ, только что плакавшій надъ какими-нибудь нервически ноющими интеллигентами, начинаетъ издѣваться и глумиться надъ душою, воистину страдающею, и, быть можетъ, самъ не имѣетъ глаза увидать жестокость своихъ словъ и своего отношенія къ чужой душѣ. Онъ истекаетъ кровію при видѣ голода нравственнаго: но въ „окаменѣнномъ нечувствіи“ своемъ онъ бросаетъ камнемъ въ тѣхъ, кто голоденъ голодомъ порядка высшаго. Тамъ же, гдѣ низведение духа до плоскости морали не будетъ допущено самымъ существомъ дѣла, онъ свирѣпѣетъ и оскаливаетъ зубы. Г. Десятовъ, этого не видѣть, такъ что, конечно, тщетно задавать ему вопросъ: „Почему?“ относительно этой стороны жизненастроенія Чехова. Но если бы изслѣдователь обратилъ свое вниманіе въ эту сторону, то, полагаю, онъ нашель бы и религіозную рану, или вывихъ души, полученную Чеховымъ еще въ дѣтствѣ: Гоголевское „мамка въ дѣтствѣ ушибла“ въ психологии значитъ болѣе, чѣмъ думаль самъ Гоголь. Не будемъ касаться частныхъ, хотя многое могло бы быть подвергнуто

обсужденію. Но, несмотря на многочисленные недостатки, сочиненіе г. Десятова имѣеть одно несомнѣнное достоинство и цѣнность: оно побуждаетъ читателя заглянуть въ себя и оглядѣть свою душу. Слѣдовательно, оно дѣйствительно относится къ богословію. Однако, и грамотнѣе писать не мѣшало бы. Степени кандидата г. Десятовъ заслуживаетъ*.

18) О сочиненіи студента *Драчева Николая* на тему: „Четы Миней до-Макарьевского состава“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Четы Миней до-макарьевского состава представляютъ собою сборникъ, обнимающій, въ 12-ти мѣсячныхъ книгахъ, огромное количество, какъ переводныхъ, такъ и самостоятельныхъ — славянскихъ и русскихъ, произведеній житійскаго, поучительнаго и апокрифическаго характера. Этотъ сборникъ, до сихъ поръ очень мало изслѣдованный, можно изучать двоякимъ путемъ: по частямъ, дѣлая предметомъ спеціальнаго изслѣдованія каждую мѣсячную книгу, и въ цѣломъ, объединяя весь минейный матеріалъ по основнымъ литературнымъ и историческимъ видамъ и родамъ, чтобы прослѣдить исторію развитія всего памятника, со стороны житійнаго и поучительнаго, переводнаго и оригинальнаго и другихъ его составныхъ элементовъ, и этимъ создать почву для ближайшаго разсмотрѣнія Ч. Миней за отдѣльными мѣсяцами. Опытъ обособленнаго изслѣдованія сентябрьской и октябрьской книгъ Миней сдѣланъ проф. М. Н. Сперанскимъ. Попытокъ цѣлостнаго изученія Ч. Миней до сихъ поръ не появлялось совѣмъ. Такая задача должна была предноситься г. Драчеву. „Цѣль нашей работы, говоритъ онъ, — представить до-Макарьевскія Ч. Миней, какъ цѣлостный литературный памятникъ многовѣковой эпохи, имѣющій свой историко-литературный составъ и соотвѣтствующую эволюцію“ (32 стр.).

Эта задача осуществлена авторомъ весьма успѣшно. Его обширное сочиненіе (520 стр. почт. л. больш. форм.) состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи (1—48 стр.) авторъ даетъ общее представленіе объ изучаемомъ памятникѣ, предлагаетъ перечень сохранившихся списковъ Ч. Миней, перечисляетъ свои источники и пособия и намѣчаетъ цѣль, ме-

годъ и планъ своей работы. Вся первая часть (49—337 стр.) посвящена постатейному обзору содержания Ч. Миней за всѣ 12 мѣсяцевъ по разнымъ спискамъ, при чемъ каждая статья—житіе, слово, поученіе, апокрифическое сказаніе—сопровождается указаніемъ на существующія изданія и соотвѣтствующіе источники или отмѣчается ея самостоятельное — славянское или русское происхождение. Постатейный обзоръ матеріала заключается статистическимъ подведеніемъ итоговъ. Во второй части—четыре главы (337—520 стр.). Въ первой изъ нихъ весь минейный матеріалъ классифицируется по своему содержанію и формѣ и распредѣляется на четыре группы: апокрифы, мученія, житія и поучительныя произведенія. Каждая изъ этихъ группъ, въ обобщенномъ видѣ, подвергается отдѣльному разсмотрѣнію съ историческимъ освѣщеніемъ ея судьбы на византійской, южно-славянской и русской почвѣ. Во второй главѣ рѣшаются вопросы объ источникахъ, времени и мѣстѣ происхожденія, способахъ и авторахъ систематизаціи матеріала, языкѣ, переводахъ и письмѣ. Въ третьей устанавливается постоянный и измѣняющійся элементы въ составѣ Ч. Миней. Въ четвертой дѣлается попытка возстановить предполагаемый первичный составъ до-макарьевскихъ Ч. Миней, отграничивъ его отъ послѣдующихъ измѣненій.

Какъ видно изъ представленнаго обзора содержанія, сочиненіе г. Драчева обнимаетъ предметъ его изслѣдованія съ надлежащей полнотой и обстоятельностью. Его методологическіе приемы и постановка вопроса въ сочиненіи, по нашему мнѣнію, вполне правильны. Хорошее знакомство съ литературой вопроса, изученіе многочисленныхъ списковъ Ч. Миней, при томъ не только по описаніямъ рукописей, но и путемъ непосредственнаго ознакомленія съ нѣкоторыми списками, умѣніе отличать существенное отъ второстепеннаго, строгая аккуратность и заботливость объ обоснованности выводовъ сообщаетъ всему сочиненію дѣловой и серьезный тонъ. Послѣдовательнымъ анализомъ авторъ вскрываетъ въ сложномъ минейномъ матеріалѣ пластъ за пластомъ, выдѣляетъ русскія и славянскія наслоенія и доходитъ до самой основы Ч. Миней, возникшей на византійской почвѣ. Въ его классификаціяхъ и заключеніяхъ намѣчаются выводы, которые, при дальнѣйшей разработкѣ сочиненія, могутъ найти

себѣ окончательное подтвержденіе и оказаться весьма полезными для сужденія о древней письменности. Къ числу такихъ выводовъ относятся, напр., предположенія, что на греческой почвѣ Ч. Миней возникли въ VIII в., а на славянской въ IX в. (стр. 399—400).

Однако, обширность изслѣдуемаго памятника и сложность затрагиваемыхъ вопросовъ не могли не имѣть своимъ слѣдствіемъ и нѣкоторыхъ недостатковъ въ сочиненіи. а) Такъ, можно поставить въ вину автору излишнюю схематичность второй половины сочиненія, гдѣ онъ не оставляетъ ни одного факта внѣ своихъ обобщеній. б) Въ первой половинѣ, представляющей постатейный обзоръ минейнаго матеріала, который потребовалъ отъ автора продолжительнаго и кропотливаго труда, читатель далеко не всегда можетъ разобрать, въ какихъ случаяхъ авторъ пользуется готовыми описаніями рукописей съ указаніями на греческіе источники статей, и въ какихъ случаяхъ онъ находитъ эти источники самостоятельно. в) Замѣчанія о языкѣ славянскихъ Ч. Миней носятъ на себѣ слишкомъ общій характеръ (стр. 414). Тѣ морфологическіе и фонетическіе признаки, которые здѣсь указаны, свойственны любому памятнику древне-славянской письменности. Лучше было бы автору дать описаніе отдѣльныхъ спис. Ч. Миней, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно основательно подмѣтилъ группировку ихъ и даже сходство почерка въ спис. одной и той же группы (стр. 416). д) Авторъ слишкомъ мало останавливается на весьма важномъ вопросѣ о первоначальномъ возникновеніи Ч. Миней на славянской почвѣ (стр. 399). Разумѣется, при обширности минейнаго матеріала, онъ и не могъ подвергнуть его детальному анализу со стороны языка для заключеній о времени переводовъ на славянскій языкъ византійскихъ произведеній, легшихъ въ основу славянскихъ Ч. Миней. Но мы думаемъ, что анализъ славянской лексики нѣкоторыхъ житій до-метафрастовской редакціи подтвердилъ бы положеніе автора о возникновеніи славянскихъ Ч. Миней въ древнѣйшую пору славянской письменности. е) Разбирая случаи повторенія памятней подъ разными числами календаря, авторъ ставитъ эти случаи въ зависимость „отъ невнимательности четивныхъ собирателей“ (стр. 334—335). Но иногда это происходило и отъ другихъ причинъ. Нельзя объяснить невнимательностью

„четійныхъ собирателей“, напр., празднованія памяти свв. Кирилла и Меѳодія 14 окт. и 14 февр. или памяти Эразма 10 іюня и 10 мая. г) Встрѣчаются мелкія погрѣшности въ выраженіяхъ: изъ-за краснаго словца авторъ переоцѣниваетъ значеніе до-макарьевскихъ Ч. Миней въ сравненіи съ Макарьевскими (стр. 48); рѣшеніе вопросовъ объ источникахъ памятника, о времени и мѣстѣ его происхожденія, о способахъ и авторахъ систематизаціи онъ не точно называетъ „внѣшнимъ описаніемъ“ памятника (стр. 325); неправильно и некстати употребляетъ терминъ „духовничество“ (стр. 336 и друг.).

Но всѣ эти недостатки ничуть не понижаютъ въ общемъ высокихъ достоинствъ сочиненія, свидѣтельствующихъ сколько о способности автора къ серьезной работѣ въ научной области, столько же и объ его трудолюбіи. При своей содержательности, съ внѣшней стороны сочиненіе отличается отдѣланностью и почти безукоризненнымъ изложеніемъ. За свой трудъ авторъ вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Работа г. Драчева представляетъ собою обширное изслѣдованіе по малоразработанному и трудному вопросу. Чрезвычайно сложный, вѣками образовавшийся въ Византіи, въ земляхъ южныхъ славянъ и на Руси памятникъ, Четь-Миней до-Макарьевскаго состава сохранились болѣе чѣмъ въ 100 спискахъ, южно-славянскихъ и русскихъ. Нашъ авторъ познакомился съ этими списками частію въ рукописяхъ ближайшихъ бібліотекъ, частію по описаніямъ. Прекрасно систематизировалъ разнообразный и разноцѣнный матеріалъ. указалъ источники для многихъ переводныхъ статей, оцѣнилъ ихъ съ филологической точки зрѣнія. Сочиненіе обнаруживаетъ трудолюбіе, правильность метода, точное изложеніе. Нѣкоторые частныя промахи, совершенно неизбежныя въ первой работѣ, притомъ писанной по необходимости спѣшно, легко устранимы при дальнѣйшихъ занятіяхъ автора по данному вопросу. Очень желательно, чтобы онъ не полагалъ своего пера послѣ окончанія курса, закончилъ съ частію свой трудъ. Онъ тѣмъ болѣе нуженъ въ литера-

турь, что великій трудъ митрополита Макарія все еще ждетъ своего трудолюбиваго изслѣдователя“.

19) О сочиненіи студента *Дюлгерова Дмитрія* на тему: „Вопросъ о папскомъ главенствѣ и непогрѣшимости въ богословскомъ и историческомъ освѣщеніи католическихъ богослововъ эпохи Ватиканскаго собора“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Эпоха Ватиканскаго собора ознаменована въ исторіи католической научной и публицистической литературы появленіемъ цѣлаго ряда изслѣдованій и брошюръ, посвященныхъ всестороннему выясненію получившаго характеръ острой злободневности вопроса о папскомъ главенствѣ и непогрѣшимости. Уже въ годы, предшествовавшіе созыву Ватиканскаго собора, въ средѣ католическихъ историковъ и богослововъ обрисовались два теченія,—ультрамонтанское, привѣтствовавшее идею о возведеніи доктрины о папской непогрѣшимости на степень богооткровеннаго догмата, и умѣренно-католическое, находившее эту догматизацію предпріятіемъ и несостоятельнымъ предъ судомъ Св. Писанія и церковной исторіи, и несоотвѣтствующимъ условіямъ и запросамъ современной церковно-общественной жизни. Борьба между этими двумя теченіями продолжалась и на самомъ соборѣ, а послѣ окончанія его привела къ формальному отдѣленію отъ римско-католической церкви т. н. старокатоликовъ. Изучить въ возможно-широкомъ объемѣ относящуюся къ данному вопросу научную и публицистическую литературу, вышедшую изъ-подъ пера католическихъ ученыхъ того и другого лагеря въ отмѣченную эпоху, дать болѣе или менѣе обстоятельный обзоръ выдвинутыхъ въ этой литературѣ аргументовъ pro и contra обсуждаемаго вопроса, и составлять задачу работы г. Дюлгерова.“

Авторъ выполнилъ свою задачу съ большимъ успѣхомъ. Выдающимся достоинствомъ его работы является необычайная полнота собраннаго и изученнаго имъ матеріала. Не ограничиваясь литературой по обслѣдуемому вопросу, имѣющейся въ нашей академической библіотекѣ, авторъ значительно восполнилъ ее изданіями, имѣющимися въ другихъ академіяхъ. О результатѣ этихъ похвальныхъ поисковъ автора

говорить уже представленный имъ указатель „источниковъ и пособій“ своего сочиненія (XVIII—XXXV стр.), заключающій въ себѣ свыше 80 нумеровъ различныхъ трактатовъ на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ (Anti-janus, Döllinger, Eberhard, Fessler, Friedrich, Frommann, Hefele, Gautier, Huber, Ketteler, Michelis, Ruckgaber, Reinkens, Rudis, Schmitz, Scheeben, Schulte, Strossmeier, Langen, Martin, Muret, Maassen и др.). На стр. XXXIX-й авторъ пишетъ, что ему пришлось прочитать „около 1500 стр. нѣмецкаго текста, около 1000—латинскаго, около 2500—француз. и около 5000 русскаго“. Разумѣется, хотя сколько нибудь основательно проштудировать такую подавляющую массу разнообразнаго научнаго матеріала въ теченіе одного учебнаго года представлялось для автора физически-непосильнымъ, но имѣющіяся на протяженіи всего сочиненія г. Дюлгерова точныя ссылки на поименованныя имъ въ указателѣ монографіи и брошюры являются достаточнымъ ручательствомъ, что эти изданія дѣйствительно были въ рукахъ автора и въ той или иной степени изучены имъ. Представленный г. Дюлгеровымъ въ своемъ объемистомъ сочиненіи (1689 стр., правда, дов. разгонистаго письма) обзоръ полемики между ультрамонтанами и умѣренными католиками по отмѣченному въ темѣ вопросу отличается вполне достаточной для кандидатской работы полнотой. Особенной обстоятельностью выдѣляются параграфы, посвященные вопросу о т. н. паденіи папы Гонорія I-го (898 стр. и дал.).

Изъ недостатковъ сочиненія г. Дюлгерова наиболѣе существеннымъ представляется растянутость его изложенія. Потративъ видимо слишкомъ много времени на собираніе и изученіе матеріаловъ своей темы, авторъ оказался уже не въ состояніи дать этому матеріалу надлежащую обработку. Отсюда, въ сочиненіи много повтореній, мѣстами недостаточная отчетливость плана работы, наконецъ—нѣкоторая монотонность самаго ея содержанія, обусловливаемая тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ часто сосредоточиваетъ свое вниманіе на общихъ (схематическихъ) пунктахъ полемики между ультрамонтанами и умѣренными католиками по тому или другому вопросу, мало удѣляя мѣста специфическимъ чертамъ или деталямъ ихъ аргументаціи.—Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить въ сочиненіи г. Дюлгерова нѣкоторую формальную неотчет-

ливость въ постановкѣ раскрываемаго имъ вопроса: мѣстами авторъ, не довольствуясь матеріаломъ, заключающимся въ сочиненіяхъ католическихъ ученыхъ ватиканской эпохи, привлекаетъ въ свое сочиненіе и сужденія о папской власти, имѣющіяся въ трудахъ протестантскихъ и православныхъ богослововъ позднѣйшаго времени,—наличность какового, посторонняго для темы автора, матеріала лишь загромождаетъ содержаніе его работы (стр. 132, 180, 809, 894 и др.).—Есть, затѣмъ, въ сочиненіи г. Дюлгерова отдѣльныя невѣрныя и неточныя сужденія. Напр., на 10 стр. авторъ утверждаетъ, что „Григорію 7-му посчастливилось блистательно осуществить тотъ идеалъ, во имя котораго онъ всю жизнь боролся“: сужденіе по меньшей мѣрѣ неточное, поскольку Григорій 7-й окончилъ свою жизнь, будучи вынужденъ покинуть Римъ, — въ разгаръ своей борьбы съ императоромъ. На стр. 1333-й авторъ пишетъ: „Папа Зосимъ одобрялъ пелагианское ученіе и отзывался съ похвалою о папѣ Целестинѣ, отвергавшемъ первородный грѣхъ и потому обвиняемомъ въ ереси“. Авторъ очевидно смѣшалъ Целестина, друга и единомышленника Пелагія, съ православнымъ папой Целестиномъ. На стр. 1337-й авторъ утверждаетъ, что „всѣ папы, начиная съ XII в., пользовались лжеисидоровскими декреталями“. Но ссылка папъ на лжеисидоровскія декреталяи восходитъ къ гораздо раннѣйшему времени, къ эпохѣ Николая I-го. На стр. 809-й авторъ пишетъ: „Киѳа названъ Петромъ“ вм. Симонъ названъ Петромъ.—Наконецъ, транскрипція собственныхъ именъ въ сочиненіи автора нуждается въ исправленіи: Дамазій (стр. 196, 354. На стр. 208—правильно: Дамась), Сульпіусъ (вм. Сульпицій), Рабанусъ Маурусъ (814, 816, 849), Австро-Унгарія (1251, 1260), Каіафъ (731, 732) и др.

Изложеніе въ сочиненіи г. Дюлгерова—достаточно литературное, въ особенности для автора-иностранца. Такія выраженія, какъ „папистичество“ (414), „совершить нравственное самоуничтоженіе надъ собою“ (764), „упражнять безусловную цензуру надъ книгами“ (445) и др. встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія.

Отмѣченные недостатки работы г. Дюлгерова не препятствуютъ признать ее дѣльнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ, показывающимъ въ авторѣ очень трудолюбиваго и даровитаго студента, способнаго, при благопріятныхъ условіяхъ, пере-

работъ собранный и изученный имъ научный матеріалъ въ небезполезную въ нашей научной литературѣ диссертацію. Кандидатской степени авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *О. М. Россейкина*:

„Примать и непогрѣшимость папы—это фундаментъ системы папства, и не удивительно, если возведеніе этихъ теорій въ догматъ Піемъ IX. вызвало страстную борьбу мнѣній и создало обширную литературу, въ которой вопросъ разсмотрѣнъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, всесторонне и исчерпывающе, и сказано почти все, что здѣсь можно сказать *за* или *противъ*. Задачу дать обзоръ этой литературы и принять на себя г. Дюлгеровъ. Самому обзору онъ нашель нужнымъ предпослать главу о происхожденіи и развитіи ученія о папскомъ главенствѣ и непогрѣшимости, и такимъ образомъ все сочиненіе оказалось состоящимъ изъ трехъ большихъ главъ: I, происхожденіе и развитіе ученія о главенствѣ и непогрѣшимости; II, историко-богословское освѣщеніе этихъ пунктовъ ультрамонтанами эпохи Ватиканскаго собора, и III, освѣщеніе ихъ антиинфаллистами. Въ концѣ сочиненія данъ историко-полемическій разборъ постановленій Ватиканскаго собора.—Изучая литературу, авторъ долженъ былъ встрѣтиться съ безчисленнымъ количествомъ аргументовъ и историческихъ справокъ, выдвигавшихся защитниками и противниками папистическихъ догматовъ въ разное время, и всѣмъ имъ дать мѣсто на страницахъ своего сочиненія. Этимъ объясняется какъ богатство собраннаго имъ матеріала, такъ и обширность его кандидатской работы. Трудъ потребовался отъ г. Дюлгерова не малый, и онъ на него не поспешилъ. Имъ собрана и использована внушительная литература на языкахъ русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ (неужели г. Дюлгеровъ не могъ ничего найти на своемъ родномъ болгарскомъ?); ни одинъ существенный пунктъ не ускользнулъ отъ его вниманія, а отдѣльные вопросы изложены съ подробностью, иногда исчерпывающей (напр. о еретичествѣ п. Гонорія, стр. 898—1112). Но это выдающееся обиліе матеріала повлекло и недостатки сочиненія. Автору приходится слишкомъ много излагать и очень мало изслѣдовать. Онъ передаетъ множество интересныхъ справокъ, текстовъ, фактовъ, сопоставленій; но все

это—чужое, собранное не имъ самимъ, и у читателя является иногда желаніе видѣть со стороны автора проявленіе и его личной самостоятельности. То же обиліе матеріала заставляло автора быть мѣстами явно спѣшнымъ и бѣглымъ въ изложеніи. Не очень пріятно и то, что, при обиліи матеріала, автору приходится во многихъ мѣстахъ повторяться. Можетъ быть, эти повторенія неизбѣжны при его планѣ, требовавшемъ изложить разныя точки зрѣнія на одни и тѣ же факты; но когда съ однимъ и тѣмъ же фактомъ или текстомъ приходится встрѣчаться во всѣхъ трехъ главахъ и даже въ заключеніи, то испытывается нѣкоторая утомительность. Какъ бы то ни было, въ своемъ сочиненіи г. Дюлгеровъ проявилъ столько труда, что большаго требовать отъ года студенческой работы невозможно.—Изъ второстепенныхъ недочетовъ отмѣтимъ слѣдующее. Авторъ иногда считаетъ нужнымъ подкрѣплять цитатами историческіе факты, извѣстные изъ любого учебника (стр. II и III); въ другихъ мѣстахъ, гдѣ цитаты необходимы, ихъ нѣтъ (82—83). На стр. 32—неудачная форма цитации. На стр. 397—400 г. Дюлгеровъ красочно описываетъ тревожныя и нерадостныя настроенія епископовъ оппозиціи предъ открытіемъ Ватиканскаго собора; но откуда взяты эти краски, остается неизвѣстнымъ. На стр. VII—X не было нужды говорить о непослѣдовательности каждаго епископа оппозиціи въ отдѣльности, чѣмъ увеличиваются и безъ того большіе размѣры сочиненія. На стр. 660 сказано, что папскихъ легатовъ не было на двухъ вселенскихъ соборахъ; но пятый соборъ аргументомъ въ нужномъ для г. Дюлгерова смыслѣ служить едва ли можетъ. Сомнительно, чтобы патр. Игнатія можно было назвать предсѣдателемъ к—польскаго собора 869 года (стр. 662). Было бы интересно, если бы авторъ указалъ, гдѣ п. Николай I въ перепискѣ съ Фотіемъ говорить, что въ вопросахъ вѣры послѣдній изъ христіанъ имѣетъ такой же голосъ, какъ и первый изъ епископовъ (стр. 9). Папа Адріанъ II ничего не могъ писать въ 1522 г. (стр. 1329), такъ какъ умеръ въ 872 г. Перечисливъ на стр. 446 — 447 всѣ притязанія папъ на своевластіе въ церкви, вплоть до права предписывать покрой одежды, г. Дюлгеровъ на стр. 447 не вполне удачно заявляетъ, что Ватиканскій соборъ всѣмъ этимъ притязаніямъ далъ силу догмата. На стр. 1125: „по свидѣтель-

ству Флѣри и Лутиранда“... Флѣри никакъ не можетъ быть свидѣтелемъ для X в.—Встрѣчаются неудачныя (1170, 1213) и неподходящія выраженія. Первосвященническая молитва Господа І. Христа названа „дивно-прелестной“ (578); привѣтствіе ап. Павла—поздравленіемъ (565); вопросъ о томъ, былъ ли когда-либо ап. Петръ въ Римѣ, названъ гамлетовскимъ вопросомъ для папизма (549); собирающіеся на соборъ епископы именуется „уполномоченными дѣлопроизводителями“ помѣстныхъ церквей (583). Рѣшенія папъ ex cathedra называются сокращенно то „каедральными“ (293, 299), то „каедратическими“ (296); вѣроятно, лучше употреблять второй терминъ. На стр. 519 и 614 стоитъ „Кападокія“ вм. „Каппадокія“. Есть недосмотры въ греч. словахъ (154); на стр. 422 *ἀνάγκη* вм. *ἀνάγκη*; на стр. 641, очевидно вм. *εὐλάβεια* стоитъ несуществующее слово *ἀλλάβεια*. Въ письмахъ п. Θεοδωρα г. Дюлгеровъ не могъ встрѣтиться съ нѣмецкимъ словомъ *orthodoxen* (597); едва ли встрѣчалъ онъ гдѣ-нибудь и конструкцію *in forma brevīs* (1510). Такихъ неуклюжихъ періодовъ, какой едва умѣстился на стр. 8, нужно избѣгать.—Степени кандидата богословія г. Дюлгеровъ вполне заслуживаетъ“.

20) О сочиненіи студента *Загорскаго Александра* на тему: „Критическое обозрѣніе источниковъ для исторіи богомилства“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Сочиненіе студ. Загорскаго (I—X + 1—341) посвящено критическому разсмотрѣнію важнѣйшихъ источниковъ, на основаніи которыхъ возсоздается исторія богомилства въ Болгаріи. Послѣ небольшого введенія, въ шести главахъ изслѣдованія тщательному анализу подвергнуты: Слово Космы Пресвитера (гл. 1), письмо Евѣимія монаха (гл. 2), анафематствованія и формула отреченія отъ богомилской ереси (гл. 3), недавно открытое и изданное письмо Теофилакта къ болгарскому царю Петру (гл. 4), трактатъ о богомилахъ Евѣимія Зигабена или, по принятому авторомъ чтенію, Зигадена (гл. 5), изложеніе богомилской ереси, написанное Евѣиміемъ Зигабеномъ (гл. 6). Подвергая послѣдовательному разсмотрѣнію каждый изъ перечисленныхъ источниковъ, г. Загор-

скій дѣлаеть критическія замѣчанія объ ихъ изданіяхъ, путемъ различныхъ соображеній рѣшаетъ вопросъ объ ихъ авторахъ, излагаетъ содержаніе и производитъ оцѣнку каждаго памятника, какъ источника для исторіи богомилства.

Оцѣнивая содержаніе сочиненія въ цѣломъ, слѣдуетъ сдѣлать автору упрекъ въ томъ, что онъ съ излишними пространеніями излагаетъ содержаніе каждаго памятника, чего критическимъ характеромъ темы въ сущности не требовалось. Въ качествѣ болѣе мелкихъ недостатковъ можно бы указать нѣкоторое количество неточностей и погрѣшностей въ изложеніи: сюда относятся, наприм., употребленіе южно-славянскаго слова „списатель“ въ смыслѣ переписчикъ, а не авторъ (стр. 7), неумѣстная латинская транскрипція имени и фамиліи извѣстнаго сербскаго ученаго Панте Сречковича (стр. 8) и т. д.

Но всѣ эти и под. недостатки не ослабляютъ того пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ сочиненіе на читателя. Въ этомъ сочиненіи обнаружены въ высокой степени—трудолюбіе, широкая начитанность автора въ избранной имъ области, хорошее знакомство съ источниками, изъ которыхъ большинство написано на греч. языкѣ, владѣніе правильнымъ научнымъ методомъ и критическія дарованія. Авторъ могъ бы съ успѣхомъ продолжать разработку своей темы.

Къ сожалѣнію, сочиненіе переписано неудобочитаемымъ почеркомъ.

Степени кандидата богословія за свой трудъ авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *О. М. Россейкина:*

„Сочиненіе г. Загорскаго читается съ большимъ интересомъ и обладаетъ значительными достоинствами. 1) Авторъ собралъ, изучилъ, сопоставилъ и расположилъ въ хронологическо-генетическомъ порядкѣ источники по исторіи богомилства. Чтобы указать каждому памятнику принадлежащее ему, по значенію и зависимости, мѣсто, нужно было хорошо изучить ихъ содержаніе, и лишь выполнивъ это условіе, г. Загорскій могъ, выполнѣ основательно, поставить письмо патр. Теофилакта на третье мѣсто, а не на первое, какъ склонны поступать другіе. Слѣдуетъ отмѣтить, что при работахъ авторъ иногда обращался къ рукописному славян-

скому матеріалу. 2) Анализъ памятниковъ и ихъ истолкованіе требовали ихъ взаимнаго сопоставленія. Авторъ настолько хорошо овладѣлъ матеріаломъ, что свободно и умѣло приводитъ параллели и сопоставленія, такъ что его истолкованія обычно удовлетворяютъ. 3) Такъ какъ авторъ привлекъ къ дѣлу сравнительно недавнія и еще мало изученныя публикаціи (Ficker'a, Петровскаго), то его работа производитъ впечатлѣніе свѣжести. 4) Авторъ отнюдь не склоненъ повторять чужіе выводы и наблюденія, въ нужныхъ случаяхъ вступаетъ въ пререканія съ своими авторитетами и не разъ съ успѣхомъ отстаиваетъ свое собственное мнѣніе (стр. 79, 142, 175, 315—противъ Ficker'a; стр. 224—противъ Петровскаго и Харламповича). Хорошее изученіе матеріала, сравнительная его свѣжесть, умѣлое истолкованіе и самостоятельность сужденій должны быть признаны достоинствами работы г. Загорскаго. Подтверждая связь богомилства съ массалианствомъ и, въ меньшей мѣрѣ, съ павликіанствомъ, указанную еще византійцами, авторъ долженъ былъ касаться и двухъ названныхъ ересей. Нужно признать, что для вскрытія источниковъ богомилства необходимо болѣе близкое и основательное знакомство съ обѣими родственными ересями, и если бы г. Загорскій задумалъ углубить изученіе своей темы, свои усилія онъ долженъ былъ бы направить прежде всего въ эту сторону. Насколько для него необходимо знать памятники массалианства, видно хотя бы изъ того, что онъ много усилій употребляетъ на истолкованіе термина *βαταρικὴ ἑκφορὴ* (стр. 140—145); между тѣмъ, если бы онъ заглянулъ въ XXVI титулъ Паноупліи Зигавина *Κατὰ Μαβαλιανῶν*, то нашелъ бы тамъ этотъ терминъ (P. G. CXXX, 1273 C).—Задачей сочиненія отъ г. Загорскаго не требовалось дать систему еретическаго ученія; однако чувствуется, что въ послѣднемъ итогѣ желательно ее дать, указавъ основную схему и ея возможныя развѣтвленія.—Конечно, не все удалось истолковать автору въ изучавшихся имъ памятникахъ, и отдѣльные пункты нуждаются въ новыхъ изъясненіяхъ (стр. 43, 94, 101, 142, 285).—Истолковывая свидѣтельство письма Евѳимія о фундагіогитахъ Малой Азіи о томъ, что они чувственно поклонялись діаволу (146 и дал.), г. Загорскій не хочетъ понимать его въ прямомъ смыслѣ; по нему, здѣсь разумѣется поклоненіе Богу,—только бога еретиковъ Евѳимій

называетъ діаволомъ. Однако вопросъ нуждается въ болѣе внимательномъ изученіи. Пусть авторъ обратитъ вниманіе на *Ἐπιστολή* р. 38¹⁵—22, перечитаетъ у себя страницы 275—276, и возможно, что буквальныйъ смыслъ свидѣтельства ему не будетъ казаться недопустимымъ. Какъ утверждать, что въ богомильствѣ не было крайнихъ теченій, близкихъ къ люциферіанству?—Отрицаніе богомилами чудесъ отъ мощей у автора объясняется чрезъ сближеніе съ массалианскимъ ученіемъ о соприсутствіи демоновъ (49); но не лишне было бы сопоставить его и съ отрицаніемъ еретиками чудесъ евангельскихъ.—Авторъ не знаетъ, что формуль отреченія отъ павликіанства касался не только Ficker, но еще Vrikmann и Moeller (102—103).—Изъ Вальсамона намъ извѣстно, что при патр. Михайлѣ Окситѣ (1143—1146) церковною властью было сдѣлано постановленіе о сожженіи богомиловъ. Было бы интересно попытаться отыскать его и привлечь къ дѣлу (ср. Алляція, *De eccl. cons.* I, cap. 12).—Авторъ не обращался къ византійскимъ историкамъ и хронистамъ, кромѣ Анны Комнины и Зонары; но о богомилахъ есть свѣдѣнія и у другихъ (напр. Киннамъ, кн. II, гл. 10). Мы не встрѣтили у г. Загорскаго ссылокъ на изслѣдованія Chalandon'a и статью Н. Гроссу (*T. K. J. A.* 1913, XII). Г. Загорскій выражаетъ сожалѣніе, что ему не удалось достать статьи Фридриха о павликіанахъ (225); эту статью онъ могъ взять у рецензента.—Встрѣчаются въ сочиненіи мелкіе недочеты. Авторъ въ текстѣ безъ всякой нужды приводитъ имена собственныя въ латинской транскрипціи, даже имена грековъ: *Harmenopolus*, 51; *Leont. Stuppis* (ужъ пужно бы *Leon Styppes*), 194; Петръ *Fullo*, 118; *Wolfius*, 223; почему-то *Kopitarium*, 234, и т. д. Оставляетъ безъ перевода въ серединѣ фразы иностранныя слова (105, 95, 188, 275), благодаря чему мы имѣемъ удовольствіе читать такіе переводы: „когда человѣкъ приходитъ въ ярость какъ змѣя, какъ собака, какъ *κάτος*“...; сердится ли человѣкъ и какъ *ποντικός*, и какъ лягушка?“ (101). Очевидно, словъ *κάτος* (кошка) и *ποντικός* (крыса) г. Загорскій не нашелъ въ словарѣ (въ учебныхъ словаряхъ ихъ нѣтъ). Кстати, что эта за грамматическая форма *acclamatii* (даже *akklamatii*, 156, 159)? Что за фраза: „Алексѣй Комнинъ объявилъ сына Іоанна своимъ successor'омъ“ (159)? Что за цитата: *Car. du Frense, Glossar.*

Mediae (94)? На 89 стр. плохой переводъ съ пѣмецкаго. Нужно было указать, какое изданіе Bibl. gr. Фабриція авторъ имѣеть въ виду (82). Не *темъ*, а *оела* (93). Городъ Смирна оказался на берегу Мраморнаго моря (97).—Литературная сторопа сочиненія стоитъ ниже научной, и изложеніе во многихъ мѣстахъ нуждается въ переработкѣ.—Степени кандидата богословія г. Загорскій выполнѣ заслуживаетъ“.

21) О сочиненіи студента *Иванова Сергья* на тему: „Просвѣтитель“ Иосифа Волоцкаго“.

а) Н. д. доцента *священника I. М. Смирнова*:

„Просвѣтитель“ Иосифа Волоцкаго, какъ замѣчательнѣйшее явленіе древне-Русской письменности конца XV и начала XVI вв., въ исторіи русскаго просвѣщенія имѣеть выполнѣ определенную репутацію. Но удивительное дѣло: высоко цѣня „Просвѣтитель“, какъ догматико-полемическій трактатъ, и пользуясь имъ, какъ однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ по исторіи ереси жидовствующихъ, изслѣдователи какъ-то недогадывались предварительно критически разобрать въ его текстѣ. Припимая послѣдній въ изданіи Казанск. Дух. Академіи, какъ *textus receptus*, они, очевидно, и не допускали мысли о самой возможности иныхъ редакцій памятника, типахъ передѣланныхъ или исправленныхъ. Между тѣмъ, наличие (если она есть) послѣдняго рода фактовъ мѣняетъ въ сущности литературную окраску памятника и понижаетъ цѣнность существующаго текста, какъ историческаго документа.

Первый обратилъ вниманіе на такую научную ненормальность Н. П. Поповъ въ Изв. Ак. Наукъ (Отд. Р. Я. и Сл., т. XVIII, 1, 1913, 171—197 с.), который, послѣ своихъ наблюденій надъ Ч.-Макаріевской редакціей „Просвѣтителя“ и Казанскимъ изданіемъ съ другой стороны, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости кореннаго пересмотра текста „Просвѣтителя“ по существующимъ спискамъ и, въ дальнѣйшемъ, новаго его изданія, какъ *sine qua non* всякихъ дальнѣйшихъ литературныхъ работъ (съ привлеченіемъ названнаго памятника въ качествѣ источника).

Г. Ивановъ, припимая въ соображеніе это послѣднее указаніе, и поставилъ задачей своей курсовой работы—1: а)

привести въ извѣстность всѣ существующіе (прежде всего— по „Описаніямъ“, конечно, а затѣмъ, по возможности, и благодаря личнымъ разысканіямъ) списки „Просвѣтителя“; и б) насколько это позволяютъ время и обстоятельства, ихъ исследовать, распредѣливъ на соответствующія группы; во 2-хъ—пролить свѣтъ на исторію эволюціи текста этихъ рецензій, поставивъ ихъ въ извѣстную хронологическую преемственность по происхожденію; и, въ 3-хъ, подыскать литературные источники памятника.

Взявшись за дѣло съ рѣдкимъ воодушевленіемъ и не останавливаясь предъ крупными (для студента) матеріальными издержками (ему пришлось лично посѣтить главныя книгохранилища гг. Москвы, Петрограда, Кіева; быть въ Волоколамскѣ, въ Порѣчьи), г. Ивановъ собралъ весьма цѣнный матеріалъ, который и представилъ въ такомъ видѣ:

Въ первой главѣ своей работы (стр. 1—75), онъ дѣлаетъ обзоры: 1) всей существующей литературы, въ томъ или иномъ видѣ затрогивающей „Просвѣтитель“, и, во 2-хъ, (стр. 76—93)—современнаго печатнаго текста. Въ послѣднемъ случаѣ г. Ивановъ отмѣчаетъ (согласно собственнымъ наблюденіямъ) *случайность* подбора списковъ, легшихъ въ основу Казанскаго изданія (взятаго, притомъ, только въ одномъ типѣ текста „Просв.“) и *неточность* ихъ передачи въ изданіи; по крайней мѣрѣ, послѣднее доказывается (пагляднымъ сопоставленіемъ) по отношенію къ тексту рксс. Моск. Академич. б-ки за №№ 171 и 172, помѣченныхъ Казанскими издателями въ числѣ основныхъ этого изданія.

Во второй главѣ авторъ даетъ перечень сохранившихся (конечно, выражаясь условно, насколько позволяютъ такъ говорить существ. Описанія рукопис. Собраній) болѣе или менѣе полныхъ списковъ „Просвѣтителя“, которыхъ ему удалось зарегистрировать не менѣе 83, и краткосъ описаніе ихъ состава. Изъ общаго количества 83 авторомъ лично просмотрѣно 70; только 13 остались недоступными (частію по нахожденію въ частныхъ собраніяхъ, частію благодаря тому, что не могли быть высланы для занятій въ нашу Академическую бібліотеку). Указанные 70 списковъ и разбиты авторомъ на пять типовъ.

Въ третьей главѣ (стр. 244—381) даются свѣдѣнія о происхожденіи „Просвѣтителя“: его авторѣ, обстоятельствахъ

появленія памятника, генеалогіи отдѣльныхъ его частей и ихъ взаимоотношеній, о задачахъ и книжныхъ источникахъ.

Четвертая глава (стр. 382—452)—являющаяся тоже библиографическою новинкою—посвящена западно-русской передѣлкѣ (=переводу, по выраженію автора) „Просвѣтителя“. Въ заключеніи (стр. 452—469) кратко указано значеніе этого анти-жидовствующаго обличительнаго произведенія въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія. Остальные листы разбираемой работы заняты приложениями.

Таково въ общихъ чертахъ сочиненіе г. Иванова. Расположивъ собранный матеріалъ по самому естественному плану, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ и использовалъ его весьма умѣло. Центральное мѣсто въ работѣ безусловно занимаютъ 2 и 3 главы (классификація списковъ и ихъ генеалогія), какъ по новизнѣ матеріала, такъ и по отвѣтственности его выводовъ. И пужно отмѣтить, что этотъ весьма кропотливый и мелочный въ подготовительной стадіи по сличенію списковъ и не менѣе трудный по разборкѣ добытыхъ данныхъ процессъ анализа матеріала выполненъ авторомъ вполне удовлетворительно. Правда, палеографическому разсмотрѣнію взятыхъ рукописей должно было бы удѣлено болѣе вниманія, чѣмъ это было сдѣлано сейчасъ; но названный недочетъ работы легко объясняется краткостью времени, бывшаго въ распоряженіи автора, тѣмъ болѣе, что дѣлу классификаціи списковъ существеннаго вреда не причинено.

Гораздо слабѣе обстоитъ вопросъ объ *источникахъ* разбираемаго памятника. Здѣсь авторъ не вышелъ изъ предѣловъ общезвѣстныхъ (по предшествовавшимъ изслѣдованіямъ) фактовъ, притомъ взятыхъ въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, хотя планъ къ дальнѣйшей разработкѣ этого отдѣла (и, нужно сказать,—планъ правильный и оригинальный) у него уже былъ намѣченъ. Но, оставляя невыполненнымъ копецъ 3 главы, авторъ предпочелъ, въ силу соображеній личнаго интереса и нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ, заняться вмѣстѣ отдѣльной дополнительной главой о западно-русской передѣлкѣ „Просвѣтителя“.

Неудаченъ, далѣе, приемъ сопоставленія мѣстъ Св. Писанія (см. стр. 361—66), использованныхъ въ „Просвѣтитель“, съ соотвѣтствующими формами ихъ первоначальнаго, т. е. Библейскаго употребленія; приемъ, предпринятый авторомъ

съ цѣлью выяснитъ отношенія пр. Иосифа къ заимствованнымъ текстамъ. Проводитъ параллель между печатнымъ текстомъ „Просв.“ и первой подвернувшейся подъ руку рукописью Св. Писанія—какъ это наблюдается здѣсь—всѣ совершенно бесполезная. Было бы гораздо важнѣе, если бы авторъ привелъ всѣ мѣста Св. Писанія, которыхъ въ „Просвѣтителѣ“ такъ много (ср. стр. 437—38), сдѣлавъ по просмотрѣннымъ рукописямъ сводку ихъ разпочтеній. Автору конечно извѣстно значеніе Геннадіевскаго текста въ дѣлѣ научнаго изданія Библии, предпринятаго Петроградской издательской Комиссіей. Наконецъ, слишкомъ поверхностно и неполно сдѣланъ лингвистическій анализъ „Просвѣтителя“ въ западно-русской передѣлкѣ.

Интересно приложеніе къ сочиненію: „Кто былъ авторомъ анонимаго житія пр. Иосифа Волоцкаго“, гдѣ вопросъ разрѣшается въ пользу Филолога Чернорица. Было бы весьма желательно видѣть его, послѣ нѣкоторой обработки, въ печати.

Изложеніе и вообще внѣшняя форма сочиненія мѣстами страдаетъ отъ шероховатости языка (см. неудачныя выраженія и фразы стр. 15, 17, 22, 28, 36, 55, 57, 61 и др.), а еще болѣе отъ погрѣшностей при перепискѣ. Переписчикъ частію не разбираетъ оригинала (напр. Сервицинь вм. Сервицкій (18 стр.), Иванъ вм. Ибакъ, Кояжовичъ, Е. Гарсовъ, Кманень и др.), а болѣе всего „опись къ описи прибавляетъ“ по своей орфографической неопытности (см. стр. 13, 16, 17, 18 и пр. и пр.).

Итакъ, суммируя все сказанное относительно разбираемой работы г. Иванова, мы должны повторить, что она вполне достаточна для присужденія первой ученой степени кандидата богословія. Его услуги наукѣ, добытыя въ высшей степени кропотливымъ и требующимъ рѣдкой (можно сказать, исключительной) энергіи и неутомимости, анализомъ сырого матеріала, вполне осязательны. Разборъ списковъ и ихъ генеологическая классификація, устанавливая подлинный составъ этого памятника и исторію его происхожденія, отводить общепринятому печатному тексту лишь ему свойственное мѣсто, не болѣе.

Будемъ надѣяться (если, конечно, военныя событія не охладятъ у автора настоящаго рвенія къ наукѣ), что *novae* изданіе этого драгоценнаго древне-русскаго анти-жидовству-

щаго догматическаго памятника, свободное отъ недостатковъ современнаго, будетъ выпущено въ свѣтъ трудами на этотъ разъ питомца *Московской Академіи*“.

б) Экстраординарнаго профессора *протоіерся Д. В. Рождественскаго*:

„Авторъ рецензируемаго сочиненія всюду прямо ставитъ вопросы и приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ, послѣ разбора имѣвшихся у него подъ руками данныхъ. Обыкновенно онъ подробно перечисляетъ изученныя имъ рукописи и обстоятельно передаетъ содержаніе памятниковъ. Имъ изучена не только литература о „Просвѣтителѣ“, но и критическія статьи и замѣтки, касающіяся этой литературы. Количество изученныхъ пособій весьма значительно; можно даже замѣтить, что въ рецензируемой работѣ есть болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, подробныя указанія на такія сочиненія, въ которыхъ о „Просвѣтителѣ“ нѣтъ „ничего новаго“ (напр., стр. 21 и слѣд.). Вообще, первыя двѣ главы сочиненія можно было бы сократить.

Языкъ простой и правильный. Есть неудобныя выраженія, ошибки и описки, но въ небольшомъ числѣ (стр. 17, 41, 267, 307, 341, 516 и др.). Въ частности, можно указать перусскій оборотъ рѣчи на стр. 306: „рѣшивъ вопросъ объ авторѣ „Просвѣтителя“.., у насъ теперь стоитъ на очереди вопросъ“.. Приложенія II и III, представляющія копіи съ древнихъ памятниковъ, слѣдовало писать болѣе четкимъ почеркомъ: въ противномъ случаѣ, самое воспроизведеніе памятниковъ теряетъ смыслъ.

На стр. 3 и 43 авторъ выражаетъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ свое недоумѣніе по поводу того, что—въ первомъ случаѣ, м. Евгеній, во второмъ—проф. Терповскій „считали 15, а не 16 словъ „Просвѣтителя“. На стр. 3 это недоумѣніе г. Ивановымъ разрѣшено (предположительно); а на стр. 43 не указано, умѣстно ли во второмъ случаѣ то же разъясненіе, какое дано въ первомъ.—На стр. 327 читаемъ: „сравнительный анализъ всѣхъ извѣстныхъ намъ списковъ показать, что списки съ памфлетомъ противъ м. Зосимы болѣе исправны и, слѣдовательно, болѣе первоначальны, чѣмъ безъ него“. Положеніе сомнительное, требовавшее отъ автора обстоятельнаго разъясненія.

За добросовѣстную и умѣлую работу авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

22) О сочиненіи студента *Колосова Сергія* на тему: „Задачи и методы религіозной психологіи“.

а) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Сочиненіе выдающееся, обширное по размѣрамъ (свыше 500 страницъ большого почтового формата), богатое содержаніемъ, интересное по мыслямъ, систематичное по плану и ясное по изложенію. Г. Колосовъ далъ своей темѣ очень широкую постановку. Необходимость тщательнаго пересмотра вопроса о задачахъ и методахъ психологіи религіи настоятельно выдвинута тѣмъ хаосомъ методологическихъ противорѣчій, который въ настоящее время царитъ въ этой молодой наукѣ. Поэтому, прежде чѣмъ уяснить себѣ руководящіе принципы религіозно-психологическаго изслѣдованія, авторъ считаетъ необходимымъ ознакомиться съ его теперешнимъ состояніемъ. Съ этою цѣлью онъ предпринимаетъ въ первой части своей работы систематическій обзоръ тѣхъ направлений, въ коихъ изучаются явленія религіозной жизни въ Америкѣ, Англии, Франціи, Германіи и у насъ, въ Россіи. Такихъ направлений онъ различаетъ въ общемъ восемь: религіозно-педагогическое, философско-психологическое, чисто-психологическое, богословско-психологическое, богословско-философское, психо-патологическое, социологическое и народно-психологическое. Несмотря на то, что религіозная психологія, какъ наука, родилась на свѣтъ лишь на рубежѣ двадцатаго столѣтія, относящаяся къ ней литература настолько велика, что вполне исчерпать ее г. Колосовъ, конечно, не могъ. Но онъ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ собралъ и привелъ въ систематическій порядокъ все главное и существенное, что до сихъ поръ было сдѣлано въ этой области. Разматривая известную группу изслѣдователей, онъ въ большинствѣ случаевъ не ограничивается общою характеристикой ихъ методологическихъ принциповъ, а показываетъ, какъ эти принципы примѣнялись у нихъ при изученіи отдѣльныхъ проблемъ и къ какимъ результатамъ они приводили. Во второй части г. Колосовъ обращается къ критикѣ описанныхъ имъ

тиновъ религіозной психологiи и къ положительной разработкѣ программы этой науки. Оцѣнивая постановку религіозно-психологическихъ изслѣдованiй на Западѣ, авторъ находитъ, что они въ значительной степени страдаютъ четырьмя методологическими недостатками: психологизмомъ, медицинскимъ матеріализмомъ, социологизмомъ и уклоненiемъ въ область метафизики. Чтобы избѣжать этихъ крайностей, религіозная психологiя должна напередъ отказаться отъ всякой претензiи объяснить религію „безъ остатка“. Не касаясь по существу трансцендентнаго объекта религіи, она должна сосредоточиться исключительно на ея субъективной, человѣческой сторонѣ, на изученiи фактовъ и явленiй религіознаго опыта. Однако этотъ принципъ „исключенiя трансцендентнаго“ требуетъ, по мысли автора, одного существеннаго ограниченiя. Если психологiя религіи не можетъ заниматься доказательствомъ объективной реальности трансцендентнаго, то она должна неизбѣжно предполагать его субъективную реальность. Сознанiе сверхчувственнаго бытiя или вѣра въ него является не только фактомъ религіознаго опыта, но и руководящимъ началомъ психолога, желающаго понять этотъ опытъ. Отсюда г. Колосовъ устанавливаетъ слѣдующій глубоко вѣрный принципъ: „психологъ религіи столько же долженъ быть человѣкомъ религіознымъ, сколько онъ психологъ“ (ч. II, стр. 57). Этотъ постулатъ онъ кладетъ въ основу и дальнѣйшихъ своихъ методологическихъ соображенiй (сравни II, 175 слѣд. 218 слѣд.). Такъ какъ предметомъ психологiи религіи являются исключительно факты религіознаго опыта, то этимъ уже сами собою опредѣляются ея задачи и методы. „Религіозная психологiя есть эмпирическая богословская наука, которая имѣетъ на почвѣ эмпирическаго анализа описать и въ доступныхъ ей границахъ объяснять психологическія религіозныя состоянiя, а также устанавливать психологическіе законы религіознаго развитiя“ (II, 66). Разсматривая ближе задачи этой науки, авторъ дѣлитъ ихъ на двѣ категорiи: теоретическія и практическія или прикладныя. Теоретическія задачи состоятъ, съ одной стороны, въ описанiи и анализѣ явленiй религіозной жизни, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, съ другой—въ объясненiи этихъ явленiй, въ генетическомъ изслѣдованiи религіи личной и религіи исторической. Прикладныя задачи также двоя-

каго рода: релігійно-педагогіческія і аологетическія. Методы релігійноі психологіі распадаются, по схемѣ г. Колосова, на три группы: методы собиранія релігійно-психологическаго матеріала, методы обработки этого матеріала и методы объясненія. Въ каждой группѣ авторъ различаетъ методы главные и методы вспомогательные. Главными методами собиранія релігійно-психологическаго матеріала онъ считаетъ самонаблюденіе, наблюденіе, методы біографическій, автобіографическій и историческій, а вспомогательными—анкетный и экспериментальный. Въ качествѣ главныхъ методовъ обработки собранныхъ фактовъ онъ называетъ сравнительно-критическій и синтетическій, а въ качествѣ вспомогательныхъ—методъ статистическій и методъ „характерныхъ случаевъ“. Наконецъ, главнымъ методомъ объясненія является методъ „индивидуально-психологическій“, опирающійся на интуицію и на логику „эмоціональнаго мышленія“, а вспомогательными—методы фізіологическій, медицинскій, психопатологическій, біологическій и соціологическій. Въ заключеніе авторъ высказываетъ мысль, что изученіе релігійноі психологіі имѣетъ особенно глубокой интересъ съ точки зрѣнія православія, которое является наибольше соответствующимъ психической природѣ челоѣка.

При той широкой постановкѣ, какую авторъ далъ своей задачѣ, и при сложности тѣхъ вопросовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, онъ конечно не могъ избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ, недосмотровъ и недоразумѣній. Такъ, мнѣ кажется, онъ поступилъ бы цѣлесообразнѣе, если бы велъ свой обзоръ релігійно-психологическихъ изслѣдованій не по странамъ, а исключительно по направленіямъ. Тогда ему не пришлось бы возвращаться къ характеристикѣ одного и того же направленія съ каждою новой страной и не было бы надобности включать въ намѣченныя имъ національныя группы такихъ психологовъ, которые къ нимъ не принадлежатъ и въ то же время не могутъ быть выдѣлены въ особую группу (наприм., причислять датчанина Гефдинга къ представителямъ „австро-германской“ релігійноі психологіі, съ которою онъ связанъ въ сущности только нѣмецкими изданіями своихъ сочиненій). Въ критикѣ психологизма г. Колосовъ не вездѣ держится строго методологической почвы и не всегда остается послѣдовательнымъ до

конца. Въдь если схема Леубы примѣнима къ объясненію естественныхъ религій, то она будетъ примѣнима и къ объясненію религій откровенной. Разъ мы допустимъ, что за предѣлами религіозныхъ представленій язычника нѣтъ никакой трансцендентной реальности, мы этимъ самымъ дадимъ право психологисту утверждать, что ея нѣтъ и за предѣлами представленій христіанина. Да и по существу развѣ можно согласиться съ тѣмъ, что „эмпирическіе боги“ язычества объяснимы феноменологически безъ остатка? Не правильнѣе ли видѣть въ нихъ лишь своеобразныя формы, въ которыхъ выражалось воспріятіе сверхчувственной дѣйствительности на низшихъ ступеняхъ развитія человѣческаго сознанія? Мысль, что психологія религій должна быть „методомъ и фундаментомъ“ не только философіи религій, но даже церковной исторіи и догматики (II, 75 слѣд.), страдаетъ несомнѣннымъ преувеличеніемъ. Если изученіе явленій религіознаго опыта дѣйствительно можетъ бросить яркій свѣтъ на ходъ церковно-историческихъ событій и уяснить сокровенный смыслъ христіанскихъ догматовъ, то съ другой стороны не нужно забывать и того, что самъ религіозный опытъ слагается и измѣняется въ зависимости отъ историческаго момента и отражаетъ въ себѣ несомнѣнное вліяніе догматическихъ формулъ. Такимъ образомъ, отношеніе психологій религій къ церковной исторіи и догматикѣ состоитъ не въ томъ, что она служитъ ихъ методологическою основой, а въ томъ, что каждая изъ этихъ наукъ можетъ быть вспомогательнымъ средствомъ и дополненіемъ другой. Подобно нѣкоторымъ другимъ русскимъ духовнымъ писателямъ, г. Колосовъ склоненъ полагать очень рѣзкую грань между западно-католическимъ и восточно-православнымъ мистицизмомъ. Въ первомъ онъ видитъ господство необузданнаго воображенія и бурныхъ аффектовъ, а во второмъ усматриваетъ лишь черты созерцательнаго настроенія и глубокаго христіанскаго смиренія. Поэтому онъ даже считаетъ католическій мистицизмъ, въ противоположность православному, явленіемъ патологическимъ (II, 113 слѣд.). Съ такимъ взглядомъ едва-ли можно вполне согласиться. Дѣйствіе воображенія и элементы аффекта можно открыть въ большей или меньшей степени во всѣхъ мистическихъ переживаніяхъ, точно такъ же, какъ у всѣхъ мистиковъ приходится отмѣтить и созерцательное настро-

ніе, и чувство смиренія (смѣшанное иногда, правда, съ своеобразной гордыней). Что же касается болѣзненныхъ формъ мистицизма, то вѣдь онѣ встрѣчаются не только на католическомъ Западѣ, но и на православномъ Востокѣ. Правда, у восточныхъ мистиковъ не наблюдается обычное на Западѣ явленіе стигматизаціи; но это зависитъ, вѣроятно, не столько отъ особеннаго характера ихъ созерцанія, сколько отъ особенностей созерцаемаго объекта. Для католическаго мистика обычнымъ предметомъ созерцанія былъ Христосъ страждущій, а для православнаго — Христосъ прославленный, преобразившійся и воскресшій. Отсюда первый переживалъ и воплощалъ въ себѣ страсти Христовы, а второй озарялся „незримымъ свѣтомъ“ и радостно приобщался къ сіянію славы Христовой. Конечно, тутъ сказывалось глубокое различіе религіознаго міровоззрѣнія, различіе двухъ совершенно особенныхъ концепцій христіанства; но это еще не значитъ, чтобы психологическая природа мистицизма тамъ и здѣсь была совершенно иная. Г. Колосовъ принципиально вполне правъ, отвергая религіозно-психологическій плюрализмъ Джемса и настаивая на единообразіи религіознаго опыта. Но какъ примирить мысль объ этомъ единообразіи съ только что отмѣченной тенденціей допускать коренныя различія въ формахъ мистицизма и съ нѣкоторыми другими аналогичными заявленіями автора? Что остается въ религіозномъ опытѣ дѣйствительно единообразнымъ и всегда неизмѣннымъ съ психологической точки зрѣнія, и что подвергается въ немъ перемѣнамъ и допускаетъ многообразіе? Этотъ вопросъ нужно было бы разъяснить. Однимъ изъ главныхъ и несомнѣнно очень плодотворныхъ методовъ, примѣняемыхъ теперь въ религіозной психологіи, является методъ анкетъ; между тѣмъ г. Колосовъ почему-то относитъ этотъ методъ къ разряду вспомогательныхъ или второстепенныхъ. Такая точка зрѣнія не совсѣмъ вяжется даже съ основами его собственной классификаціи. Въ числѣ главныхъ методовъ собиранія религіозно-психологическаго матеріала онъ называетъ, какъ мы видѣли, наблюденіе; а вѣдь анкета и есть не что иное, какъ видъ наблюденія. Конечно, методъ анкетъ страдаетъ многими недостатками, но этихъ недостатковъ у него все-таки не больше, чѣмъ, наприм., у метода біографическаго, который, по схемѣ автора, входитъ въ категорію главныхъ.

И могъ бы указать у г. Колосова и рядъ другихъ недочетовъ, могъ бы отмѣтить кое-гдѣ неполноту анализа, недостаточно обоснованныя сужденія, частныя противорѣчія, неточности, неудачныя выраженія и т. п. Но въ концѣ концовъ все это мелочи, мало характерныя для его работы. Общее впечатлѣнiе, остающееся отъ его сочиненія, превосходное. Авторъ обнаружилъ такое трудолюбіе, такую способность къ систематизаціи и такую зрѣлость мысли, какія не часто встрѣчаются въ студенческихъ работахъ. О количествѣ затраченнаго имъ труда можно судить уже по тому, что одинъ списокъ использованныхъ имъ книгъ и статей (на четырехъ языкахъ) занимаетъ девять страницъ. Его систематизаторскій талантъ проявился и въ общемъ стройномъ планѣ его сочиненія, и, еще болѣе, въ его продуманныхъ и тщательно разработанныхъ классификаціонныхъ схемахъ. Наконецъ, о зрѣлости его мысли свидѣтельствуетъ не только его способность разобраться въ методологическихъ противорѣчійхъ и ошибкахъ другихъ изслѣдователей, но и умѣнье найти такую точку зрѣнія, которая даетъ возможность примирить требованія строгаго научнаго метода съ запросами религіозной вѣры и интересами православно-богословской мысли. Было бы очень желательнo, чтобы г. Колосовъ обработалъ свое сочиненіе для печати. Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *О. К. Андреева*:

„Свое большое изслѣдованіе (вѣроятно около 300 страницъ „Богосл. Вѣстника“) г. Колосовъ посвящаетъ изученію основныхъ проблемъ новой научной дисциплины, извѣстной подъ именемъ религіозной психологіи (или, какъ предпочитаетъ самъ г. Колосовъ,—психологіи религіи, см. ч. II, стр. 44). По его собственному, нѣсколько неуклюжему опредѣленію, это есть „эмпирическая богословская (?) наука, которая имѣетъ на почвѣ эмпирическаго анализа описать и въ доступныхъ ей границахъ объяснить психологическія религіозныя состоянія, а также устанавливать психологическіе законы религіознаго развитія (II, 66—67)“. Авторъ не упоминаетъ ближайшихъ родоначальниковъ этой науки, но, конечно, ихъ нужно искать въ тѣхъ скромныхъ отдѣлахъ, подъ заголовкомъ „религіозныя чувствованія“, которыя встрѣча-